

1935

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. Д. ГРЕКОВ

БОРЬБА РУСИ
ЗА СОЗДАНИЕ
СВОЕГО
ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1945

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

63.3(2)4

Г 80

Б. Д. ГРЕКОВ

БОРЬБА РУСИ
ЗА СОЗДАНИЕ СВОЕГО
ГОСУДАРСТВА

2
193581 e
107.662
H 26

Суровская обл.
Суровская
ЛЕНИНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1945 — ЛЕНИНГРАД

Под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию
научно-популярной литературы

Председатель Комиссии академик *В. Л. КОМАРОВ*

Зам. председателя академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корр. АН СССР *П. Ф. ЮДИН*

ОТ АВТОРА

*«...аще ли будете ненавидимо живуще,
распрях и которающесея, то погыбнете
сами и погубите землю отец своих и
дед своих, юже налезоша трудом своим
великим».*

(«Повесть временных лет»).

Согласно летописной записи, князь Ярослав Мудрый перед смертью обратился к своим сыновьям с увещанием жить в единении и не дробить Русскую землю, «землю отец своих и дед своих, ю же налезоша трудом своим великим».

Пусть этих слов и не произносил сам Ярослав, пусть их записал летописец по преданиям, дошедшим до него,— нам это все равно. Мы слышим здесь подлинный голос русского человека XI столетия, которому было известно прошлое Русской земли и который хорошо знал, что Русское государство создавалось действительно великим трудом многих поколений, что труды эти были не напрасны и дали блестящие плоды.

Наш первый историк, автор «Повести временных лет», и поставил перед собой нелегкую, но благородную задачу — проследить весь путь, пройденный Русью от древнейших времен до момента написания «Повести», выяснить вопрос, «откуда есть пошла Русская земля» и «откуда Русская земля стала есть».

Постановка вопроса весьма показательна. Она, несомненно, отвечала запросам своего времени. В XI веке русское общество уже осознало потребность оглянуться на пройденный им путь, узнать свое прошлое. Общественный заказ был выполнен для своего времени превосходно.

В наши дни полезно напомнить, как боролись наши далекие предки за свое политическое существование среди других народов Европы, как закладывали фундамент того самого государства, защищать которое завещали нам наши деды и отцы и которое с таким блеском в наше время выдержало великие испытания.

ДВА МИРА

На грани двух эр истории человечества мир явно делился на две неравные части: узкой полосой опоясывая Средиземное море («*Mare Internum*») и изредка вдаваясь в него отдельными клиньями, располагалась основная принадлежащая Риму сравнительно небольшая территория: другая громадная часть Европы была населена народами, находившимися на более низкой ступени развития.

«Вечный город» сумел объединить под своей властью всю наиболее культурную часть человечества. Военные таланты, выдающиеся поэты, ваятели и архитекторы, юристы и политики работали над укреплением и украшением государства. Звание римского гражданина носили с гордостью те, кто его имел, и энергично добивались его те, кто этой чести еще не был удостоен.

Но благами высокой римской культуры пользовалась ничтожная часть общества, живущая за счет труда бедняков и рабов, которых римский гражданин даже считал не человеком, а *instrumentum vocale*, т. е. говорящим орудием производства, иначе рабом.

Тогда Рим еще верил в вечность своего могущества и мало интересовался тем, что творилось за пределами этого культурного оазиса.

А между тем там, вдали от «Внутреннего моря», тоже жили люди, правда, незнакомые с благами высшей культуры, но спаянные кровными узами; они жили в пределах своих союзов, один — для всех и все — для одного. Они узнавали о существовании грозного соседа тогда, когда последний с оружием в руках являлся к ним для ловли человеческой рабочей силы, а те из них, кто жил вдали от этого соседа, не знали о нем ничего.

Однако изолированность двух миров не могла быть вечной. Чем чаще и ближе они стали соприкасаться друг с другом, тем становились яснее для обездоленной части римского общества преимущества более простой, но и более справедливой жизни тех людей, которых Рим пренебрежительно называл «варварами». Сам Рим, наконец, не мог не замечать, что рабский труд не обеспечивает дальнейшего роста государства, что раб — ненадежная и мало продуктивная рабочая сила, к тому же сила, которая время от времени заставляла римских граждан чувствовать, что они имеют дело все же с людьми, которым присущи свои желания и стремление улучшить свое правовое и материальное положение. К ним иногда попадало в руки оружие, и они знали, против кого его направлять.

Славяне в это время жили вдали от мировой Римской империи. Однако римская наука, географическая и этнографическая, пыталась включить в поле своих наблюдений и этих далеких «варваров». Нельзя все же сказать, что интерес к ним был очень велик.

Римский историк и географ I века н. э., Плиний, без всякого пафоса пишет: «Некоторые писатели передают, что эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы) заселены сарматами, венедами¹, скирами, гиррами». Другой римский историк, младший современник Плиния, но значительно его переживший, Тацит, отмечает: «Относительно племен певкинов, венедов и финнов я не знаю, причислить ли мне их к германцам или к сарматам..., более похожи венедаы на сарматов по своим нравам и обычаям». Греческий географ II века н. э. Птоломей в не менее эпических тонах тоже сообщает: «Сарматию занимают очень большие племена: венедаы вдоль всего Венедского залива [Балтийское море.— Б. Г.]; над Дакией господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру [Азовское море.— Б. Г.] — языги и роксоланы, в глубь страны от них находятс ямаксобии и аланы-скифы».

Но совсем иначе заговорили готы и писатели Восточной Римской империи о славянах в VI веке, когда славяне не только появились у границ этой Империи, но и перешли их, победоносно преодолевая стоявшие на пути препятствия, тогда, когда они одновременно стали наносить поражение и непосредственным соседям — готам.

«Проклятый народ! — восклицает недовольный славянскими военными успехами Иоанн Эфесский, — еще так недавно не знавший иного оружия кроме дротика, усвоил себе военную технику ромеев, стал драться лучше, чем они, завел много золота, серебра, ценного оружия, табуны лошадей, стенобитные орудия». Готский историк Иордан, изображая борьбу готского

¹ Венедами тогда называли славян.

короля Германариха со славянами, не щадящий красок, чтобы опорочить последних («презираемые как воины, но мощные своей численностью»), вынужден все-таки признать: «хотя теперь [в VI веке.— Б. Г.] по грехам нашим они [славяне.— Б. Г.] свирепствуют повсюду, но тогда [т. е. в IV веке.— Б. Г.] все подчинялись приказам Германариха». Тот же Иордан сообщает: «От истока Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венеков. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако, главным образом, они именуются склавинами и антами» — и в другом месте: «Происходя из одного племени, [они] имеют теперь три имени: венеды, анты и славины».

Анты — это и есть восточная русская ветвь славян, народ, нас особенно интересующий.

Византийцы, правда, иногда, смотря по обстоятельствам, умели писать о славянах и более объективно и спокойно.

Так, например, крупнейший византийский историк VI века Прокопий Кесарийский, знавший славян под их собственным именем («славяне»), дает много сведений о больших военных походах славян на Восточно-Римскую империю и очень хорошо понимает, что судьба Империи в значительной степени зависит от военных успехов этих последних. Говоря о византийско-готской войне, он, между прочим, указывает и на то, что славяне и анты иногда действовали в качестве союзников Византии в войне с готами.

В этих рассказах имеются важные для нас детали. Оказывается, например, что славяне «имеют свои жилища по ту сторону р. Дуная, недалеко от его берега», т. е. успели прочно занять территорию, непосредственно соседнюю с Византией, что, «часто совершая переходы [через Дунай.— Б. Г.], они наносили римлянам [византийцам.— Б. Г.] неисправимый вред», о котором Прокопий говорит по разным поводам часто и вполне конкретно. «Славяне, перейдя реку Истр [Дунай], произвели ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна». «Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, славяне смогли взять». «Начальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелю они нигде не решались».

В другом месте своего труда тот же автор рассказывает, как славянское войско перешло через Дунай и разбило римлян. Вспомогательное войско римлян, вышедшее на помощь разбитым, тоже потерпело поражение («И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили»). В этот поход славяне взяли во Фракии и Иллирии «много крепостей», тогда как «прежде славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнины для открытого боя».

Напор славян на Византию усиливается. Прокопий снова сообщает, что «огромное множество славян, какого никогда раньше не бывало, явилось на римскую территорию». К ним присоединялись все новые и новые отряды славян. Таким образом, усилившись, они «получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы Империи». По словам Прокопия, они «причиняли по всей Европе неслыханные бедствия...; не просто набегами, но зимуя здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля». Император выслал против них «отборное войско» под начальством Схоластика. «Произошел сильный бой», как передает Прокопий, «и римляне были разбиты наголову».

Специалист военного дела VI века, византиец Маврикий Стратег, автор специального труда по стратегии и тактике, поставивший своей задачей изобразить состояние военного искусства у народов, опасных для Византии («которые тягостны для Империи»), в целях лучшего использования их слабых сторон, рассматривает и славян рядом с персами, скифами, турками, германцами. Знакомясь с характеристикой отдельных народов, сделанной Маврикием, мы можем еще раз убедиться в том, что Византия признавала силу славян, хотя и отмечала в их военном искусстве ряд слабых сторон. «Племена славян и антов,— пишет Маврикий,— ведут одинаковый образ жизни, у них одни нравы, любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Храбры, в особенности в своей земле, выносливы; легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и в пище. Взятые в плен у них не обращаются навсегда в рабов, как у других народов... Юноши их очень искусно владеют оружием».

Подтверждает все эти сообщения и продолжатель истории Прокопия — другой византийский историк, Менандр. Он подчеркивает факты наступления славян в глубь Восточной Римской империи: «Эллада была опустошена славянами», «император Тиверий не имел достаточных сил противостоять и одной части неприятеля, тем менее всем вместе». Сообщает Менандр также факты, говорящие о сознании славянами своей силы: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? — отвечали славяне на предложение аваров сложить оружие,— не другие нашею землею, а мы чужою привыкли владеть, и в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи».

Можно привести еще много свидетельств о том, что славяне и анты в VI веке н. э. обнаруживают большую активность по отношению к Византии, что они действуют огромными организованными массами и перевооружились по византийскому образцу.

Что же означает это массовое продвижение славян в преде-

лы Восточной Римской империи? Почему о славянах до этого времени говорили соседи сравнительно мало и равнодушно?

Очевидно, произошли крупные перемены в отношениях между европейскими (и не только европейскими) народами. Историческая наука давно уже отмечала этот беспокойный период европейской истории, называя его периодом «великого переселения народов». Но сейчас это объяснение нас мало удовлетворяет. Нам важно знать, почему народы Европы и Азии до известного времени сидели на своих местах более или менее спокойно, а потом начали «переселяться». Мы сейчас сомневаемся в том, насколько термин «переселение» соответствует известным нам фактам. Критический пересмотр источников и литературы по этой теме приводит нас к необходимости проверить наши старые представления об этом важнейшем и интереснейшем периоде нашей истории. Только широкий взгляд на исторические судьбы человечества в целом позволяет нам правильно осмыслить и интересующий нас вопрос.

Человечество пережило несколько великих эпох цивилизации, различаемых по способу производства, т. е. по средствам, какими человек добывает себе все необходимое для жизни, и по вытекающим отсюда формам общественных отношений.

Древняя античная цивилизация, достигшая известных вершин в области науки, искусства, литературы, покоилась на эксплуатации рабского труда. Производительный труд для свободного человека здесь, как правило, считался занятием позорным. Платон и Аристотель считали рабство явлением нормальным. Платон в своем начертании идеального, с его точки зрения, устройства государства исходил из необходимости рабства: раб должен был обеспечивать и в его идеальном обществе удовлетворение нужд свободных граждан. Нормальным он считал и выделение греков в особую категорию в противоположность не-грекам — «варварам», хроническая война с которыми казалась ему столь же естественной, сколь и неизбежной.

Знаменитый греческий трагик Еврипид (480—407) очень ярко высказывал свое отношение к «варварам». По его мнению, «варвары» самой природой созданы для рабства. «Варвар» — это существо гораздо более низкого интеллекта, грубое, признающее только физическую силу. Для грека свобода — органическая потребность; варвару она не свойственна и не нужна; господство эллинов над варварами — закон природы. Равенства между греком и варваром не может быть, как не может его быть между человеком и домашним животным»¹.

Квалифицируя таким образом отношения между рабовладельческим греческим обществом и «варварами», т. е. народами, у которых тогда господствовал первобытно-общинный строй,

¹ С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. 1929, стр. 240—241.

Платон по-своему был прав. Кадры рабов обычно пополнялись пленными, захваченными из этих «варварских» народов. Нужда в рабах, удовлетворяемая войнами с «варварами», естественно вызывала противодействие этих последних. При таких условиях добрых отношений между двумя мирами быть, конечно, не могло.

Рабовладельческий строй, продолжавший эволюционировать и в период Римской империи, привел, однако, древнюю цивилизацию в тупик.

Разлагаясь изнутри, он вызвал кризис всего общества и государства. Окружающие со всех сторон античный рабовладельческий мир так называемые «варвары» не могли оставаться спокойными зрителями совершавшегося на их глазах распада античного общественного строя.

Перемены в характере взаимоотношений этих двух миров наглядно можно наблюдать на примере греческой колонии Ольвии (в устье Южного Буга).

В V веке до н. э. ее посетил Геродот и отметил некоторые любопытные особенности этого рабовладельческого поселения. «От Ольвии, города борисфенитов,— пишет он,— составляющей срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собой эллино-скифов», т. е. скифов, настолько подвергшихся воздействию греческого общества, что Геродот затруднялся назвать их просто скифами; не мог он назвать их и эллинами. С другой стороны, и окружающее греческую колонию так называемое «варварское» общество не могло оказать некоторого влияния на общественные отношения самой Ольвии.

Ведь «варварский» мир в качестве основной рабочей силы не знал рабов. Здесь главным производителем всех необходимых средств к жизни был свободный человек, член сначала родовой, а позднее сельской общины. Между рабами колоний и «варварами», в данном случае чаще всего скифами, несомненно, существовали многочисленные связи, может быть, мало дающие себя знать в мирной обстановке, но весьма заметные во времена общественных и политических потрясений вроде войн или восстаний рабов.

В нашем распоряжении имеется ценнейший документ — декрет Протогена, датируемый III веком до н. э., из которого видно, что 200 лет спустя после посещения Ольвии Геродотом эта греческая колония переживала сильнейший внутренний кризис, сопровождаемый успешным наступлением на нее окружающих варваров, на сторону которых стали и эллино-скифы («миксэллины»).

Город-государство в сущности очутился в руках богача Протогена. Когда варвары потребовали от Ольвии установленной дани, а «общественная казна была пуста», Протоген выручил

свой родной город. Он не только выплатил из своих средств дань в 400 золотых, но и истратил еще около 6,5 тыс. золотых на нужды города, оказавшегося несостоятельным.

В благодарность за свою щедрость и активную готовность идти навстречу интересам города Протоген был поставлен во главе «общественного управления» и получил должность «казначая», в честь его поставлена была плита с выбитым на ней декретом, увековечившим заслуги Протогена перед родным городом.

Из декрета мы узнаем о том, что скифский царь Сантафарн, «недовольный дарами, разгневался и выступил [против Ольвии.— Б. Г.] в поход», что к нему присоединились другие варвары и что «все рабы и пограничные миксэллыны ...бывшие в предыдущую войну союзниками в городе были совращены врагами»¹.

У одного из позднейших римских писателей V века н. э. Макробия имеется несколько, вероятно, модернизированное сообщение об Ольвии IV века н. э. Когда ее осаждал Зопирион, как принято думать,— один из полководцев Александра Македонского, «борисфениты... освободили своих рабов, уравнили чужеземцев в правах гражданства», облегчили положение должников и этими мерами смогли защитить себя от врага, т. е. в тяжелое время войны борисфениты-рабовладельцы пошли на социальные уступки, сделали попытку устроить у себя общественные отношения наподобие «варварских». Вероятно, на этих условиях соседние свободные «варвары» согласились помогать борисфенитам. В дальнейшем мы, однако, видим, что «варвары» продолжали весьма агрессивную политику по отношению к Ольвии, и последняя вынуждена была платить им дань. В конце I века н. э. и в начале II века, т. е. приблизительно 600 лет спустя после посещения Ольвии Геродотом, этот город борисфенитов посетил греческий ученый и знаменитый оратор Дион Хрисостом [т. е. Златоуст.— Б. Г.]. Он встретился здесь со своим другом, политическим эмигрантом Дионом Калистратом.

«Город борисфенитов,— отмечает Хрисостом,— не соответствует своей прежней славе... Находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергался нападениям и несколько раз был взят врагами. Сюда «нахлынуло много варваров». Дион Калистрат «был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство», на нем была «одежда черного цвета по примеру одного скифского племени».

Много воды утекло за 600 лет, и взаимоотношения двух миров сильно изменились. Скифы за это время успели укрепить экономически, культурно и политически, античная колония под ударами скифов стала слабеть, и жители Ольвии, эллины по происхождению, продолжавшие еще заучивать наизусть Или-

¹ Л а т ы ш е в, *Inscriptiones antiquae*, I, № 32.

аду и Одиссею, начали терять свой специфический внешний облик. На них появлялись неприемлемые до сих пор для эллинов «шаровары и прочее скифское убранство». Никем не принуждаемый, в силу медленных изменений во взаимоотношениях между эллинами и скифами, эллин по культуре превратился в настоящего скифа по внешности. Только «всаднический» меч напоминал о принадлежности его носителя к римскому гражданству.

Этот же процесс, конечно, в самых разнообразных формах, мы можем наблюдать и в других местах Европы и Азии, там, где соприкасались два мира один — дряхлеющий и обреченный, другой — растущий, исполненный надежд на будущее, способный вдохнуть новую жизнь в старое умирающее общество.

Как только стала очевидной несостоятельность рабовладельческого строя, и столь долго существовавшая античная государственность обнаружила явные признаки распада, когда зашатались самые основы древних обществ и государств, когда угнетенные классы, и самые униженные среди них, низведенные до положения животных — рабы — в массовых и систематических восстаниях стали проявлять свою волю к освобождению и уничтожению своих угнетателей, — поднялись новые народы в полной готовности не только защищать себя от систематических кровопусканий, причиняемых рабовладельцами в погоне за человеческими мускулами, столь необходимыми рабовладельцам, но и освободить всех обездоленных и стонущих под игом рабовладельческого государства рабов и так называемых свободных граждан, не желающих оставаться, по выражению одного из римлян, под римским законом.

Борьба этих народов за свою государственность велась с целью разрушения старого общества, с целью создания новых, несомненно более прогрессивных форм жизни при поддержке народных масс рабовладельческого мира.

Как раз в это время возникла новая религия, предоставляющая «трудящимся и обремененным» для вступления в «царство небесное» преимущества перед сильными и богатыми, религия, уравнивающая разные народы перед богом, религия, которую неоплатоник Порфирий (232—305), враждебный ей, как религии интернациональной, очень характерно называл «дерзостным учением варваров», религия, о которой Энгельс отозвался как об одном из самых революционных элементов в истории человеческого духа¹.

Жало рабства (как система общественных отношений) было притуплено навсегда. Человечество значительно шагнуло вперед.

Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на примере варваров-германцев разъ-

¹ А. Р а н о в и ч. Первоначальное христианство и его историческая роль. «Вестник древней истории», 1939, № 2.

ясняет причину на первый взгляд кажущегося столь странным факта, что именно варвары, а не гордый Рим, создали современную Европу. Энгельс ставит прямо вопрос: в чем именно заключалось то средство, при помощи которого «варвары» сумели омолодить умирающий античный рабовладельческий мир? Отвечает он на этот вопрос весьма определенно. По его мнению, этим средством был общественный строй молодых «варварских» народов, именно родовой строй. И позднее эти варвары «сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и этим дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство сопротивления, каких в готовом виде не застали ни древние рабы, ни современные пролетарии». Эти варвары «смогли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости... форму, которая ...дает поработанному средству к постепенному освобождению как классу... форму, благодаря этому высоко стоящую над рабством...». «Действительно, только варвары способны омолодить мир, томящийся в умирающей цивилизации»¹.

Эти соображения ученого, итог его размышлений над крупнейшей исторической проблемой, находят полное подтверждение в суждениях современников, переживавших эти события и на них откликавшихся.

Вот марсельский священник Сильвиан, писавший в середине V века н. э., как раз тогда, когда окончательно и бесповоротно решалась судьба Рима. «У римлян,— пишет Сильвиан,— нет желания находиться под римским законом. Римский плебс единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить с варварами... Наши братья [римляне.— Б. Г.] не только не хотят перебежать от них к нам, но, наоборот,— оставляют нас, чтобы перебежать к ним. И я бы только удивился, что не все бедные и нуждающиеся [римляне.— Б. Г.] делают это, если бы не было одной причины... а именно... что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи». И далее: «Бедняки искали у варваров римской человечности, потому что не могли снести у римлян варварской бесчеловечности... Они предпочитают быть свободными, называясь рабами, чем томиться в рабстве, сохраняя одно лишь название свободных».

Конечно, Сильвиан имеет в виду массу римского народа, а не богатых владельцев латифундий.

Совершенно те же речи мы можем услышать и в другом конце б. Римской империи столетие спустя. Византийский историк Прокопий (VI в.) в своей «Тайной истории» о времени Юстиниана говорит так: «Народ большими толпами... убегал...

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932, стр. 157—158.

к варварам... Чтобы только скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами».

Сильвиан под варварами имел в виду по преимуществу германцев, Прокопий — славян.

Трудно быть еще более выразительным. Перед нами уже не критика, а надгробное слово уходящему в вечность античному миру. Это в то же время и указание на путь спасения. Ведь Сильвиан собственно провозглашает: «Да здравствуют варвары. Долой Рим!» Прокопий в сущности констатирует такое же настроение масс Византийского государства.

В этой связи очень интересно мнение другого вдумчивого римлянина, который поставил диагноз безнадежной болезни Рима за 400 лет до Сильвиана. Плиний Старший в свое время, т. е. в середине I века н. э., уже считал Рим обреченным, и причину неизбежной гибели своей родины он видел в рабстве. По его мнению, крупные рабовладельческие хозяйства (латифундии) погубили Италию и римские провинции, т. е. все Римское государство.

Обращаясь вновь к вышецитированной работе Энгельса, мы находим его мнение об отношении друг к другу двух миров в специальной главе «Образование государства у германцев». Он говорит тут о варварах-германцах. Но мы прекрасно знаем, что в совершенно аналогичном положении находились все новые народы, своей историей заполнившие средневековье. У всех этих народов имеются налицо одни и те же основные черты. Тот же родовой строй, то же перерастание родовой общины в сельскую (марку), те же формы зависимости, укрепляющиеся вместе с поступательным развитием феодализма, т. е. крепостное право, мы встретим и у славян, и у армян, и у иберов, и у народов Средней Азии.

Греческий философ Платон не ошибался, когда считал войну между греками и варварами неизбежно хронической, только он не предвидел ее окончательного исхода. Борьба между двумя мирами, принимая различные формы, не прекращалась, и уже приблизительно с IV—V веков н. э. она определенно приняла характер катастрофы для тех, кто кичился своей обособленностью, кто хотел воздвигнуть стену между собой и новым миром, несущим конец античному рабству и новый, более прогрессивный феодальный строй.

Славяне в этой борьбе принимали самое непосредственное и весьма активное участие. Они вместе с германцами, армянами, иберами, народами Средней Азии участвовали в перекраивании политической карты Европы и Азии и на развалинах рабовладельческого мира создали свои новые государства.

II

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

На территории бывшей Римской империи возникают одно за другим новые государства. В нашей науке за ними установилось общее название «варварских», потому что их создали не римские граждане, а новые народы, которых римляне называли варварами.

По своей общественной структуре эти государства совсем не похожи на государства древнего мира: в основе производства новых обществ лежал не труд рабов, а труд свободных крестьян-общинников. Поскольку масса крестьянства была свободной и крепостной режим еще не успел занять прочное место, т. е. еще не успел окончательно установиться феодальный способ производства, мы называем эти государства дофеодальными. Они помогли развиваться и оформиться феодальным общественным отношениям, окончательно созревшим приблизительно лет через 400 после образования этих государств. В новом обществе нашлось место и «римским гражданам»: римлянам — на территории Западной империи, грекам — на территории Восточной. Многие унаследовали от Рима новые народы. Первые писанные законы новых народов, утверждавшихся на бывшей территории Западной империи, были записаны на латинском языке, христианская западная церковь приучала свою паству к латинской речи и тем самым старалась приобщить ее к римской культуре. Рим оставил своим наследникам-победителям свои города, ремесленную технику, научил их своему военному искусству.

Несколько иначе сложились отношения в восточной части Империи, где новые народы, преимущественно славяне, усвоили ряд военных и технических навыков от старой культуры, однако сумели сохранить в государственной и церковной практике свой собственный язык. Наконец, некоторые славянские народы, не-

смотря на очень старые связи с античным миром, создали свои государства на собственной территории, где каждое завоевание в области материальной культуры было делом их собственного труда. Таковым является самое большое из славянских государств, государство восточных славян — Русское государство.

Славяне на рубеже античности и средневековья имели буквально тот же общественный строй, который так характерен для древних германцев, армян, иберов и для других молодых народов, образовавших свои государства на новой производственной базе, с крестьянской общиной в основе.

Где бы ни появлялись славяне, они приносили с собой свои общинные навыки.

Конечно, этот общинный строй не оставался неизменным. Следить за его эволюцией по нашим источникам невозможно, так как они касаются главным образом внешних явлений жизни славян, таких сторон общественного устройства, которые, во-первых, были более интересны для военных наблюдателей, во-вторых, легче бросались в глаза. Нужно отметить, что наблюдать совсем не так просто, как это кажется с первого взгляда. Люди очень часто видят не то, что есть, а то, что им бы хотелось видеть. Наконец, требует оговорки и система передачи виденного. Здесь предвзятость имеет большой простор.

Вот почему не легко пользоваться отзывами иностранцев о славянах. Готы, византийцы и арабы чаще всего видели лишь ближайших к их границам славян; в глубь славянских стран проникали только арабы. Встречались ли готы и греки со славянами как враги или как союзники, — встречи эти происходили обычно в военной обстановке. В зависимости от враждебной или дружественной позиции тех или иных авторов к славянским народам стоят и их отзывы. Ученой критике надо предварительно много поработать над этими источниками, так, как работал над ними наш знаменитый византолог В. Г. Васильевский, чтобы получить возможность правильно их использовать.

Попробуем все-таки собрать наиболее яркие свидетельства иностранцев об общественном и политическом строе славян VI—VII веков.

Византийские историки и готский историк Иордан, говоря о славянах и антах, т. е. двух главных ветвях славянства — южной и восточной, относятся к ним свысока, хотя и признают их многочисленность, силу и отвагу. Такое отношение византийцев к славянам объясняется тем, что по сравнению с Византийской империей славяне действительно стояли на значительно более низком уровне культурного развития. А Иордан вообще не стеснялся в проявлении своих чувств и, поставив себе задачей во что бы то ни стало возвеличить готского короля Германириха, естественно старался унижить его врагов, которых он

иногда побеждал, но которые часто умели наносить и ему значительные поражения.

Тем не менее все эти свидетельства иностранцев (а других письменных свидетельств у нас нет), независимо от отдельных замечаний, продиктованных чувством вражды, говорят единогласно и безоговорочно о том, что в VI веке славяне и анты уже вышли из первобытного — общинного или родового — строя.

«Эти племена, славяне и анты,— читаем у Прокопия Кесарийского,— не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и поэтому относительно всех счастливых и несчастных обстоятельств у них решения принимаются сообща». Здесь под этими совещаниями, принимающими общие решения, понимаются народные собрания. О них Прокопий говорит и при изложении конкретных событий в жизни антов. Когда в плену у славян оказался некий доблестный ант Хилвудий, которого выгодно было выдать за его тезку, римского полководца Хилвудия, и слух об этом распространился в народе, тогда по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что их пленником является римский полководец Хилвудий.

Маврикий характеризует политический строй славян VI века приблизительно в тех же основных чертах. Это дает нам уверенность в правильности показаний обоих авторов. Маврикий, однако, делает некоторые замечания, которые на первый взгляд кажутся противоречащими Прокопию. Маврикий подчеркивает, что над славянами нет единой главы, что они враждуют друг с другом и что поэтому им, якобы, не знаком «военный строй».

Это свое мнение о военном строе славян Маврикий, правда, высказывает суммарно, говоря о варварах вообще: «пусть этих варваров много, но они не имеют военного строя и единого начальника; таковы славяне и анты, равно и другие варварские племена, не умеющие ни подчиняться, ни сражаться в строю».

Все это надо понимать очень и очень относительно. Только когда внимательно прочитаешь всю книгу Маврикия, становится совершенно ясно, что под военным строем он понимает до мельчайших подробностей разработанную организацию римского войска. Все, что не подходит под строгие требования римского воинского устава, по его мнению, не заслуживает и названия «военный строй». Это совершенно так же, как автор «Повести временных лет» говорит о браке. Браком он считает только христианский брак и поэтому пишет, что у древлян, например, брака нет и, нисколько не смущаясь, тут же сообщает об «умыкании у воды девиц» по предварительному с ними сговору или о хождении «зятя по невесту» и «приводе невесты вечером» и о выдаче утром родителям невесты так называемого

«вена», что, несомненно, свидетельствует о наличии у древлян брака, но, конечно, не христианского.

Маврикий, не признавая у варваров «военного строя», все же говорит о том, что у славян есть военные начальники: у них «много предводителей», но «нет между ними согласия». На этом основании он склонен не придавать значения и славянским вечевым собраниям, о которых совершенно ясно говорит Прокопий. «Так как среди них нет единомыслия,— говорит Маврикий,— то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому».

Отсюда Маврикий делает практический вывод: «Поэтому,— пишет он,— полезно привлекать некоторых из них на свою сторону обещаниями, словами и подарками, в особенности ближайших к нашим границам, и тогда нападать на других славян, чтобы общая война их не спаяла и не объединила под одну власть». Другими словами, Маврикий считал полезным для Византии поддерживать рознь славян из опасения их объединения в случае «общей войны». Мы прекрасно знаем, как знал это и Маврикий, что такие случаи объединения славян бывали неоднократно и действительно были опасны для Византии, так как, объединившись, славяне наносили ей тяжелые удары. Совет Маврикия, военного человека по специальности, очень понятен. Совершенно так же мыслили и римляне относительно германцев. У римского историка и военного специалиста Тацита относительно германцев вырвалась характерная фраза: «Пусть никогда не прекращается у этих племен взаимная ненависть».

Ту же мысль несколько позднее и в более спокойных тонах высказал о славянах и араб Масуди (X в.): «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, то не померялся бы с ними в силе ни один народ в мире».

Масуди имел в виду объединение славян в целом. Факты же частичного объединения значительных групп славян хорошо нам известны и в очень раннее время.

Готский историк Иордан прямо указывает на факт объединения огромной массы славян под единой властью даже в IV веке. Когда готский король Германарих решил напасть на антов, то «в первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя (гех) их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами-начальниками (primates), чтобы трупы повешенных удваивали страх побежденных».

И у византийских авторов приводится много фактов, главным образом из военной жизни славян. Все эти факты говорят о том, что славяне весьма энергично боролись в течение VI века с Византией и аварами, часто наступали огромными массами,

почти всегда имели перевес над византийскими войсками, были организованы, во главе их часто стояли выдающиеся вожди и, наконец, много военных специалистов из славян служили в византийском войске иногда на очень высоких и ответственных должностях.

Вот некоторые примеры, подтверждающие сказанное. Во главе византийского войска в войне с персами (554—555) стоял ант Доброгаст — «военный трибун». Он был главным начальником понтийского флота. Знатный и влиятельный ант «Мезамир, сын Идаризия, брат Келагаста», был послан к аварам в качестве посла. Он вел себя вызывающе перед аварским каганом и был убит аварами как человек, имеющий большое влияние на антов и могущий противостоять всякому неприятелю. Его отец и брат, повидимому, тоже были людьми известными, если византийский автор счел нужным специально их назвать. Конечно, перед нами знаменитая антская фамилия, выдвинутая в первые ряды своим богатством, военными талантами и влиянием среди соотечественников. Мезамира Идаризиевича боялись авары, как человека, способного стать во главе значительных сил антов.

Таких вождей мы встречаем в произведениях византийцев VI и VII веков не раз. Вот Ардагаст, стоящий во главе своей «земли», вот Мусокий, «властитель (гех) славян», вот вожди славян Пирагаст, Андрагаст и др. Всё это крупные по своему политическому положению люди, стоящие во главе больших объединений.

Иначе, конечно, и быть не могло. Ведь славяне и анты втянулись в очень серьезное предприятие огромного масштаба. Действуя то вместе, то врозь, заключая союзы с аварами и с германцами, чаще выступая против них, славяне и анты, как и прочие так называемые «варвары», выполняли огромной важности историческое дело: они шли на штурм древнего рабовладельческого мира и в конечном счете имели успех, чему, несомненно, способствовал ряд обстоятельств внутри самого древнего мира.

Что касается славяно-византийских отношений этого времени, то, кроме военных успехов славян, мы должны отметить и прямое воздействие славянских общественных отношений на ту массу византийского населения, которая видела в общественном строе славян несомненные для себя преимущества по сравнению с римским.

Нам хорошо известно, что, после того как европейская часть Восточной Римской империи прекратила свое политическое существование и на ее территории возникли новые славянские государства, другая часть, преимущественно азиатская, под влиянием наплыва славян и в результате кризиса рабовладельческого строя совершенно ослабилась и не столько в

смысле этническом, сколько в социальном. Константин Багрянородный говорил, что в VIII веке «вся греческая земля ослабилась, сделалась варварской». Действительно, стоит заглянуть в византийский «Земледельческий закон» (VIII в.), касающийся крестьян, и мы без труда сможем убедиться в том, что в византийской деревне торжествуют порядки, характерные для славянского, германского, армянского, грузинского и других новых обществ в дофеодальный период их существования. Прежде всего там ярко отражено наличие крестьянской общины с ее сельским сходом, обсуждающим важнейшие дела общины, с уравнительным переделом земли по жеребьям, правом участия членов общины в жеребьевке, запрещением отдельным членам нарушать прерогативы общины и т. п.

Рабство не совсем исчезло, но заняло весьма скромное место, как и в других средневековых государствах. В «Земледельческом законе» отражен и процесс закрепощения крестьян в начальной его стадии.

Византийская империя, этот пережиток мировой Римской державы, стала очень похожей на варварское средневековое государство. В этом ее новом строе нашли удовлетворение своим нуждам и чаяниям и обездоленные массы византийского общества.

Славяне для доведения своей борьбы до конца и для укрепления своих побед должны были организовать. Толпа народа не могла победить Империю.

Мы бы сделали очень большую ошибку, если бы поверили враждебно настроенным к славянам писателям, иногда пренебрежительно называющим славянское войско «толпой». Это глубоко неверно. Славянское войско было настоящее войско, способное побеждать римлян, столь квалифицированных в военном деле. От толпы славянское войско отличалось, конечно, своей организацией. Именно в это время и в целях превращения народа в войско славянская человеческая масса получила правильное деление по десятичной системе: тысячи, сотни и десятки, с начальниками во главе. Собственное национальное оружие — лук, дротик и щит, — достаточное для мелких стычек между собой, в ходе войны с хорошо вооруженным византийским войском скоро должно было обнаружить свои недостатки и было заменено новым; обычай сражаться без панцирей, босиком, в одних штанах без рубашки тоже пришлось оставить. Иначе победить было нельзя. Таков закон войны. И мы уже видели, как об этом перевооружении говорил византийский церковный историк VI века сириец Иоанн Эфесский: «Славяне имеют много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне; люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, исключая двух или трех дротиков».

Одной своей численностью, как об этом пишет Иордан, славяне одолеть своих врагов не могли бы, потому, что и враг был немалочислен и, кроме того, он постоянно привлекал на свою сторону союзников из варварских же соседних племен. Если славяне побеждали и готов, и аваров, и византийцев-ромеев, то, конечно, только потому, что были организованы, хорошо вооружены, имели способных вождей, были очень храбры, сметливы, выносливы, любили свой народ, свою землю, верили в свои силы.

Продиктованные чувством вражды к славянам слова Иордана, что они «презираемы, как войны», но якобы мощны только «своей численностью», что это «толпа трусов», опровергаются собственным его признанием несколькими строками ниже, когда он говорит о больших военных успехах славян, когда он вынужден признать, что они «по грехам нашим свирепствуют повсюду». «Трусливая толпа» в каком угодно количестве достигнуть бы этого не смогла.

Опровергается эта несправедливая характеристика славян и буквально всеми отзывами византийцев, весьма мало склонных преувеличивать доблесть своих врагов — славян. «Анты благодаря своей доблести... обратили врагов [готов] в бегство, произведя большое избиение». Славяне «лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах». Так мимоходом характеризует военные качества славян Прокопий. Менандр говорит, что византийский император Тиверий «не имел достаточных сил противостоять и одной части неприятелей, тем менее всем вместе». Тот же Менандр сообщает, с каким сознанием своей силы ответил вождь славян Добрит на предложение аваров сдаться. Маврикий Стратег, очень тонко разбирающийся в военных качествах бойцов, прямо заявляет, что славянские юноши «очень искусно владеют оружием». Подобных замечаний о выдающихся военных качествах славян и антов можно было бы привести во много раз больше.

Стоит также обратить внимание на тактику, которую рекомендует военный специалист Маврикий в войне со славянами. В каждом его совете видно признание их силы. Малейшая оплошность — и неизбежное поражение грозит войску ромеев. На славян надо нападать «неожиданно, особенно в местах, где меньше всего этого ждут», потому что славянская молодежь, будучи легковооруженной, выбирая удобный момент, из засад нападает на наших воинов. Надо все время быть на чеку, соблюдать крайнюю осторожность. Не следует углубляться в страну славян и каждый свой шаг необходимо закреплять за собой разбивкой военного лагеря. Ни в коем случае не следует задерживаться на тех местах, по которым лежит путь, и поджидать какого-либо благоприятного случая». Византийский тактик и стратег на опыте знал славянскую тактику и страте-

гию и добросовестно предупреждал своих соотечественников о том, что со славянами воевать не легко. «Все это я написал по возможности из своего опыта,— заключает Маврикий,— ...приняв все во внимание... на пользу тем, которые попадут в такое положение». «Человеческая природа,— размышляет вслух тот же автор,— хитра и непостижима. Много неожиданных планов она может и придумать и совершить».

Никто в это время лучше византийцев не знал, сколько неожиданных планов придумывали и выполняли славяне, пока они не одолели своего врага и не завоевали себе права на государственное существование в Европе.

Недаром византийское войско ответило военным бунтом на распоряжение императора провести зиму в славянской земле. «Не обращая внимание на императорские слова, масса римских воинов [византийцев.— Б. Г.] подняла мятеж, желая провести время холодов дома; они отказались зимовать в этой варварской земле. Они говорили, что холода здесь невыносимы и бесчисленные толпы варваров — н е п о б е д и м ы», — повествует об этих событиях Феофилакт Симокатта, писатель первой половины VII века.

Те же авторы, правда, вскользь, дают нам понять, что не одна военная доблесть и организация являются источником их непобедимости, а и их материальная база. Этот издавна земледельческий народ умеет хорошо работать, не стыдится труда и достигает в этой области больших успехов.

Все это заставляет нас заново пересмотреть старую проблему, вызывавшую жаркие споры среди ученых, об общественном строе славян VI—VII вв. Говорить о неизбежности родового строя у славян и антов этой поры не приходится. Громадные объединения, в которых исчезают племенные перегородки, несомненно, были и политическими объединениями. Эти военные, по преимуществу, организации представляют собою переходное явление от родового общественного устройства к государственному и названы Морганом — Энгельсом «военной демократией». Военной — потому, что эта организация существует для целей войны, вызванной в данном случае, как мы видели, общей международной обстановкой; демократией — потому, что это вооруженный народ, управляющийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военачальником, не знающий еще власти, отделенной от народа и тем более ему противопоставляемой. Военная демократия развилась из родовых отношений, но это уже не родовая организация.

Если мы дадим себе труд пересмотреть весь материал, имеющийся в нашем распоряжении относительно общественного и политического строя славян и антов VI и VII веков, то неизбежно придем к совершенно конкретному выводу, что 1) Византия воевала не с отдельными славянскими племенами, а с более ши-

рокими объединениями, что 2) во главе славян и антов стояли крупные вожди, однако считавшиеся с решением народного собрания, что 3) славяне и анты по мере развития своих военных успехов должны были решать задачи, обусловленные именно этими успехами.

Перейдя Дунай и разгромив значительную часть Восточной Римской империи, славяне должны были организовать уже не для продолжения завоеваний, а для удержания в своих руках завоеванного. Вместо сломленного Восточно-Римского государства, до сих пор державшего в своих руках власть, должно было возникнуть новое государство завоевателей. Оно и возникло. Я имею в виду Болгарию. Ранняя история этого государства, славянского по основной массе населения, осложняется вмешательством тюрков, согласно преданию участвовавших в организации власти и быстро ослабявшихся.

В VII веке политически организованы были и сербы. Во главе их стоял великий жупан. Государственным центром была Раша (ныне Новый Базар). Сербам приходилось в это время вести борьбу с Византией и в ходе этой борьбы то признавать над собой власть греков и платить им дань, то освобождаться и наносить им удары. В это же приблизительно время, немногим раньше, образовалось на территории Западной Римской империи и государство чехов.

Что касается славян западной группы (чехов, моравов, полабских славян, поморян, поляков и др.), то положение их сильно осложнилось непосредственным соседством с германцами, стремление которых на восток, на славянскую территорию привело к онемечению некоторой части западного славянства.

На южной окраине наблюдаем в это же время утверждение славян в Далмации, Истрии и Фессалии.

«Все эти явления,—отмечает академик Ф. И. Успенский,—среди славянского мира падают на половину VII века, и можно думать, что они находятся в некоторой причинной связи»¹.

¹ Акад. Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. I, 1913, стр. 767—768.

III

НА ЗАРЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«И прежде Рюрикова пришествия в Словенскую землю, не худа бяше держава Словенского языка»

(Степенная книга.)

Анты, т. е. восточные славяне, которых византийские писатели и Иордан считали всегда самыми многочисленными и сильнейшими среди славян, жили на территории, издревле соприкасавшейся с эллинами, а позднее и с римлянами, и, стало быть, имели возможность ознакомиться с их высокой культурой. Было бы в высшей степени странно думать, что эта наиболее численная и могучая часть славянства дожидалась IX столетия и «призвания варягов», чтобы начать свое государственное бытие.

Это мало вероятно также и потому, что, как справедливо отметил Ф. И. Успенский, Византия мешала славянам, находящимся в непосредственном с нею соседстве, политически объединиться и многими весьма действенными средствами поддерживала среди славян рознь, возводя свою политику в принцип. Византия принимала часть славян к себе на службу в качестве федератов, привлекала к себе и специально воспитывала для себя отдельных славянских вождей, выводила славянские колонии подальше от своих границ и т. д., т. е. действовала по старому рецепту Маврикия.

«Если видеть первые признаки гражданственности в политической организации,— пишет Ф. И. Успенский,— то следует признать, что самые ранние попытки соединения нескольких колен под одной властью встречаем далеко за чертой непосредственного влияния Византии, т. е. далеко за пределами Византии». Русь как раз и находилась вдали от непосредственного воздействия византийской системы.

Тем не менее имеется в русской историографии целое направление, представляемое иногда именами крупных историков, которые делят русскую историю на периоды, из коих первый начинается обязательно от Рюрика, причем игнорируется все то, что пережито было русским народом до него. Карамзин, например, призвание варягов считал «началом государства». Знаменитый историк С. М. Соловьев тоже говорит, что «призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю».

Надо, однако, отдать справедливость, что параллельно с Карамзиным и даже до него, высказывались соображения более объективные и научно обоснованные.

Дерптский профессор Эверс, воспитанник Геттингенского университета, ученик Шлецера, с 1803 года в России обретший новое отечество, с 1809 года член-корреспондент русской Академии Наук, в 1816 году, до появления первых восьми томов «Истории» Карамзина, выпустил свою «Историю русского народа» (*Geschichte der Russen*), до сих пор, к сожалению, на русский язык не переведенную, где он начинает историю русского народа с VI века, т. е. с первых известий об антах.

В более позднее время замечательный русский ученый В. О. Ключевский в своем обстоятельном курсе высказывался в том же направлении и весьма определенно: «Мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI веке большой военный союз под предводительством князя дулебов... Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI веке на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат».

Кто же прав в этом большом и важном споре?

Пусть на этот вопрос ответят сами источники.

В 40-х годах X века, лет за 100 до составления «Повести временных лет», Масуди, один из самых добросовестных и осведомленных арабских ученых, писал в своем сочинении «Золотые луга» о восточных славянах, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими; был у этого объединения князь Маджак, и этому князю повиновались все прочие князья; потом пошли раздоры между племенами, союз этот распался на части, каждая из которых выбрала себе отдельных владык.

Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет волянынами. Сообщение это повторяется и у других арабских писателей.

Масуди говорит об этих вещах без всякой тенденции, расска-

зывает настолько правдоподобные факты, что можно было бы его сообщение принять без особых сомнений.

Это сообщение, однако, находит полное подтверждение и в «Повести временных лет», использовавшей для этого не арабский, а какой-то другой источник — либо византийский, либо западноевропейский. В «Повести» это сообщение связывается с нашествием аваров, хорошо известным как Византии, так и западным странам. «Славенску же языку, якоже рекохом, живущу на Дунаи, придоша от скиф, рекше от Казар, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви, и насельницы Словеном быша. Посем придоша Угри Белии и наследиша землю словеньску; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьского. В си же времена быша и Обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенах и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам дулебским. Быша бо Обре телом велицы и умом горды, и бог потреби я, и помроша вси, и не оставя ни един обрин. И есть притча на Руси и до сего дне; погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка»¹.

В. О. Ключевский по поводу этого летописного текста говорит: «В памяти Киевского повествователя XI века уцелело от тех далеких времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое жило далеко от Киева и в XI веке не принимало участия в ходе событий. «Повесть» рассказывает о нашествии аваров на дулебов (в VI—VII вв.).» «Вероятно,— продолжает тот же автор,— благодаря этой исторической поговорке и попало в «Повесть» предание об обрах, носящее на себе черты былины, исторической песни, составляющей, может быть, отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившихся на карпатских склонах».

Ключевский связывает оба сообщения — летописное и Масуди. Воляняне Масуди — это дулебы «Повести». Дулебы — имя этническое, воляняне — территориальное, от города Волини, стоявшего на Дулебской земле.

«Можно догадаться, почему Киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия,— говорит Ключевский,— тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами».

Ключевский думает, что во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева и масса восточного славянства сосредоточивалась западнее, на склонах и предгорьях Карпат... «Итак,— обобщает свою мысль Ключевский,— мы за-

¹ А. А. Шахматов переводит это место так: «Авары были велики телом, а умом горды, и бог уничтожил их; все они перемерли, и не осталось ни одного авара. И есть на Руси пословица и до сего дня: погибли как авары,— говорят о тех, кто не оставил по себе ни племени, ни наследия».

стаем у восточных славян на Карпатах в VI веке большой военной союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое».

Мысль Ключевского столь же ясна, сколь и ответственна. Источники, на основе которых он делает свой вывод, были известны и другим, более робким исследователям. Им казалось маловероятным, чтобы восточное славянство, вопреки установленным в русской историографии представлениям, могло иметь свою государственность до пресловутого «призвания варягов». Поэтому и вышеприведенные свидетельства многие ученые пытались истолковать так, чтобы их теория в целом оставалась непоколебимой. Вестберг, Пресняков и другие высказывали предположение, что сообщение русской летописи о дулебах относится не к русским дулебам, а к чешским *dudlebi*, основателям Чешского государства, об отношениях которых к аварам говорит франкский летописец Фредегар. А. А. Шахматов решительно возражал против такого толкования летописного сообщения о дулебах. Во-первых, он указывал на то, что летопись ссылается на пословицу, бытовавшую именно на Руси; во-вторых, — на то, что летопись имеет в виду русское племя дулебов. «Дулеби же живяху по Бугу, где ныне вольняне», сказано в «Повести временных лет». Нет никаких оснований не соглашаться с А. А. Шахматовым. Кроме того, необходимо обратить самое серьезное внимание и на язык земли: в то время, как у чехов это территориальное обозначение встречается дважды, на Руси и особенно в Прикарпатье оно попадает десятки раз, откуда оно, несомненно, распространилось и на запад, и на восток, и на север Руси.

Отсюда вытекает, что дулебы, старое, весьма многочисленное и могучее восточнославянское племя, были вполне способны сыграть объединяющую роль, какую они, несомненно, согласно нашим данным, и сыграли.

Крупнейший знаток Киевской Руси М. С. Грушевский в толковании сообщения «Повести временных лет» и Масуди о дулебах был крайне осторожен, но и он признал, что их «к нашим [т. е. русским. — Б. Г.] вольнянам [известие Масуди. — Б. Г.] можно относить, может быть, с большей правдоподобностью, чем к какому-либо другому славянскому племени или краю, но от этой правдоподобности до достоверности еще далеко. Если принять известие Масуди, то отсюда бы следовало, что наша Вольнь около IX столетия (может быть, в конце его) была на некоторое время центром политической системы, которая обнимала соседние волости или племена, но во всяком случае не так широко, как изображено дело у Масуди. Известие об этом могло дойти до арабов в преувеличенных размерах через торговый путь, шедший из Западной Европы на Восток. Но,

судя по данному известию, эта политическая система существовала недолго и, очевидно, особенно сильной организацией не была... В результате, до выступления на первый план Киева с его князьями мы ничего точного не можем сказать, были ли какие-либо более крупные и мощные политические организации на нашей территории».

Осторожность М. С. Грушевского не кажется мне убедительной. Все данные как повествовательного характера (сообщение арабов и «Повести»), так и топонимические говорят, безусловно, о дулебах русских, да и сообщение это к IX веку, особенно к его концу, никакого отношения не имеет, потому что, как это отметил и А. А. Шахматов, оно относится к двум моментам: 1) к покорению дулебов аvaraми в начале VII века и 2) к гибели аваров, т. е. к концу VIII века и самому началу IX века, когда варварам нанесен был решительный удар последовательными походами Карла Великого (791, 795, 799 и 802—803 гг.). Разгром аварской державы был окончательным.

Что эта политическая система существовала недолго и стала жертвой аварского нашествия (подобно судьбе чехов и моравов) сомневаться не приходится. Авары в результате успешных походов на Запад в середине VI века упрочили свое господство на территории современной Венгрии и отсюда распространяли свою власть на соседние, преимущественно славянские, народы. Южные славяне с этого времени совершают набеги на Византию под предводительством аваров. В описании чудес св. Дмитрия Солунского говорится, что во времена императора Маврикия (582—602) аварский хан «призывает к себе все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этот народ был ему подчинен и, присоединив к ним некоторых варваров другого происхождения, он отдал приказ всем им идти на богоспасаемую Фессалонику».

Трудно сейчас проверить, в какой мере точно это сообщение. Однако несомненно, что часть славян оказалась под властью аваров, часть вошла с ними в союзнические отношения. Что касается восточной ветви славянства, известной под именем антов, то они до начала VII века были независимы и находились в союзных отношениях с византийцами против общего их врага — аваров. У Иоанна Эфесского, современника Маврикия, записано очень важное сообщение, относящееся к 586—588 гг. Когда Византия «побудила народ антов напасть на страну славян, они овладели ею и опустошили ее, вывезли из нее богатства и предали ее огню; страна славян лежит на запад от реки, называемой Донабис [Дунай.— Б. Г.]». В 602 году Византия опять выступает в союзе с антами.

После 602 года источники не сообщают об антах больше ничего. Весьма вероятно, что покорение антов аvaraми падает именно на начало VII века, о чем и говорит «Повесть времен-

ных лет», указывая, что в эти времена были и авары, ходившие на царя Ираклия (610—641) и чуть было не взявшие его в плен. Эти авары воевали и против дулебов. Авары жестоко ободились с дулебами и мучили их, запрягали дулебских женщин в телеги и заставляли возить себя.

Интересно сопоставить известие франкского летописца Фредегара середины VII века о насилиях аваров над славянами. Авары в бою выставляли вперед славян и, если последние одерживали победу, пользовались ее плодами; если славяне испытывали поражение, то авары организовывали из славян новые силы. «Каждый год авары приходили к славянам, чтобы провести у них зиму; они брали тогда из славян жен и детей и пользовались ими, и к довершению остальных насилий славяне должны были платить аварам дань» (Фредегар аваров называет гуннами).

В последний раз западные хроникеры упоминают об аварах как о самостоятельной народности в 826 г., когда анты становятся нам известны уже под именем руси.

Вполне намеренно я остановился подробно на разборе этих известий, связанных с историей антов VI—VII веков, потому что речь идет ни больше, ни меньше, как о вопросе относительно первого большого государственного объединения русского народа. Ни отрицание этого факта, ни признание за ним лишь вероятности серьезно не обоснованы. Есть, наоборот, все основания признать его подлинным и вместе с Ключевским повторить: «Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории» (конечно, если иметь в виду не историю народа, а лишь историю созданного им государства). Такой вывод находится в полном соответствии и с событиями всемирной истории.

К такому выводу подошел и А. А. Шахматов в своих наблюдениях над судьбами русского языка: «Звуковые черты, объединяющие русский язык во всем его составе, могут свидетельствовать о тесном единении населения в пределах этой родины. Трудно сомневаться в том, что жизнь его сосредоточивалась вокруг какого-нибудь племенного центра, ставшего основанием и для политической организации... *Всего вероятнее, что таким центром была Волынь, Волынская область*» [курсив мой.— Б. Г.].

Отсюда делаются вполне логичными и приемлемыми и следующие сообщения арабов о наличии в Восточной Европе трех восточнославянских государств.

На это обстоятельство не раз обращалось внимание в нашей науке. Давно было известно, что несколько арабских ученых IX—X веков (Аль-Джайхини, Аль-Истархи, Ибн-Хаукаль Аль-Балхи), пользуясь каким-то общим, несомненно, доброкачественным, источником середины IX века, говорят о политических

объединениях восточного славянства, существовавших после распада государства дулебов и до образования Киевского государства.

Если устранить некоторые противоречия в показаниях названных авторов, то сообщение это примет следующий смысл. Существует политическое объединение, имеющее свой город Куябу. Оно ведет торговлю с чужими странами, допуская на свою территорию иноземных купцов. Находится оно «ближе к Булгару», под которым надо, конечно, разуметь болгар дунайских. Другое политическое объединение, живущее «дальше первого», носит название «Славия». Наконец, третье — близкое к хазарам, «не допускающее к себе иноземцев, воинственное и сильное, поскольку сумело наложить дань на пограничные области Рума» [Византии.— Б. Г.]. Оно называется «Артания» или «Арсания». У каждой из этих политических организаций есть свой «царь» или князь.

Что «Куяба» («Куява») — это Киев и что «Славия» — это земля новгородская, занятая по преимуществу «словенами», как здесь народ называл себя сам, не было ни у кого никаких сомнений. Относительно Артании существуют разногласия. Указывалось в литературе также и на то, что это сообщение в целом не только не противоречит показаниям «Повести временных лет» (В. А. Пархоменко и др.), но и находит в ней подтверждение.

«Повесть» под 859 годом, т. е. до призвания варягов, совершенно четко и недвусмысленно говорит о положении, создавшемся в итоге длительной предшествовавшей этой дате истории восточного славянства, о которой летописец не счел нужным или возможным сказать что-либо. Он лишь указывает на наличие двух частей восточного славянства: северо-западной и юго-восточной, подчеркивая их разную судьбу. «Имаху дань варязи приходяще из заморья на Чюди, и на Словенех, на Мери, и на Кривичех; а Козари имеху на Полянех, и на Северех, и на Вятичех. Имаху по беле и веверици от дыма». Северные племена славянские и финские, объединенные общей исторической судьбой вследствие оставшихся нам неизвестными обстоятельств, к середине IX века временно, как видно из дальнейших сообщений «Повести», оказались данниками варягов. Южные и юго-восточные славянские племена, часть которых, несомненно, была объединена вокруг Киева, очутились под данью у хазар.

Таким образом, автор «Повести временных лет» дает нам несколько фактов из позднейшей жизни Славии и Куявии и молчит об Артании, соседящей с Хазарией. Мне кажется, что молчание это можно объяснить тем, что Артания к этому времени вошла в состав Хазарского государства настолько прочно, что о ней современники уже не говорили как об одной из самостоятельных частей Руси. Мы очень хорошо знаем, что в Ха-

зарском каганате славян было много, что славянский язык тут был весьма распространен, а один из крупных востоковедов, академик Френ, относительно хазар даже выразился в том смысле, что история хазар есть часть древней истории Руси, настолько история этих двух государств тесно переплетается.

Для нас в этой связи не столько важно определить место нахождения каждой из этих организаций Руси докиевской поры, сколько использовать факт, сам по себе не вызывающий сомнений. Весь вопрос заключается в его оценке. Можно ли им пользоваться для установления хотя бы некоторых вех в истории восточного славянства до образования Киевского государства, или же такое его использование будет насилием над источником, искусственным притягиванием его к заранее уже заготовленной исторической схеме?

Думается, что на этот вполне законный вопрос можно ответить вполне утвердительно. «Повесть временных лет», наш наиболее полный и достоверный источник политической по преимуществу жизни Руси, своим текстом под 859 годом ставит перед нами неизбежную задачу восстановить то, о чем умолчал наш первый историк.

Все собранные нами сведения по этому предмету — такого свойства, что сами по себе вполне вероятны и выдерживают самую строгую научную критику; в то же время они не только не противоречат данным «Повести», но являются существенным к ней дополнением, убедительно восстанавливающим те ее части, которых там недостает. Они находятся в полном соответствии и с данными современной археологической науки и, с точки зрения методологической, являются неизбежными в конкретном ходе событий, в известной закономерной последовательности развития восточнославянского общества от родового строя через военную демократию к государству. Наконец, эти факты находят себе полное объяснение в ходе событий всемирной истории и становятся на свое место в процессе образования средневековых европейских государств.

Другими словами, если мы не можем окончательно отвергнуть эти факты как недостоверные, мы обязаны либо доказать, что они не имеют никакого отношения к истории русского народа, либо постараться их осмыслить в связи с этой историей. Другого выхода из положения нет.

У нас имеются все основания в развернувшемся научном споре полностью поддержать мнение Ключевского и вместе с ним признать, что уже в VI веке в Прикарпатье мы имеем явные признаки первой завязи Русского государства и что после распада этого государства, вследствие внешнего удара, существовали другие государственные образования, предшествующие державе Рюриковичей.

Очень важно отметить здесь, что так в конечном счете пред-

ставлял себе историю Русского государства и Маркс, если судить по его отрывочным замечаниям, сделанным для себя в «Хронологических выписках» и кратком изложении истории России в «Секретной дипломатии».

В «Хронологических выписках» Маркс отмечает: «...возникли сначала два государства: Киев и Новгород. Олег подчинил также второе русское государство Киев, переносит туда местопребывание правительства» [разрядка Маркса.— Б. Г.]. Стало быть, до Киевского государства в представлении Маркса уже существовали более ранние государственные образования. Киевское государство с его огромной территорией, результат деятельности народа и правительства, Маркс рассматривал как одно из явлений периода раннего средневековья в Европе. Империя Рюриковичей, по его словам, подобна другим империям аналогичного происхождения. И этим объясняется, почему Маркс так ясно сопоставил два самые большие из средневековых государств: одно западноевропейское — империя Карла Великого, другое — восточноевропейское — держава Рюриковичей. «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествовала образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествовала образованию Польши, Литвы, Прибалтики, Турции, и, наконец, самой Московии» (Маркс, «Секретная дипломатия»).

Здесь Маркс подчеркнул и другую сторону своей мысли. Только два раннесредневековых государства сыграли решающую роль в исторических судьбах Европы: империя Карла Великого — на западе, империя Рюриковичей — на востоке.

Игнорировать свидетельства источников о докиевском периоде истории России было бы так же недопустимо, как и не использовать всего известного нам материала о докарловой монархии франков.

IV

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДОКИЕВСКОГО И РАННЕКИЕВСКОГО ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ РУСИ

Мы очень хорошо знаем и из изложенного выше могли еще раз убедиться в том, какое огромное влияние на темпы политического оформления каждого народа имели внешние факторы международного значения.

Но мы не менее хорошо знаем, что международные отношения решают далеко не все: государство могло образоваться только после распада родового строя, когда на смену родовому бесклассовому обществу пришли классы со своими противоречивыми интересами и сложными взаимоотношениями.

Поэтому для полной убедительности выводов, полученных нами, главным образом, на основании учета международной обстановки в Европе на грани античности и средневековья, нам необходимо проследить внутреннюю эволюцию восточнославянского общества. Необходимо еще раз проверить эти выводы с другой стороны, посмотреть, в какой мере созрело восточнославянское общество и могли ли формы восточнославянских общественных отношений стать достаточной базой для государства.

Сделать это сколько-нибудь полно не представляется возможным, и не одни историки России вынуждены констатировать этот печальный для науки факт. Когда речь идет о родовых отношениях и чрезвычайно медленно идущем их распаде, когда надо вскрывать момент образования классов,— историки всех народов находятся в одинаково трудном положении, за исключением лишь историков тех народов, которые застают объект своего изучения в первобытном состоянии. Но таких народов осталось на земле очень немногих.

Буквально приходится собирать крупинки далекого прошлого, но делать это абсолютно необходимо.

К нашим услугам, в этом отношении, на первом месте — археология. Она дает нам возможность определить основные отрасли хозяйства данного общества, она же знакомит нас, хотя и в очень общих чертах, с эволюцией общественных отношений и идеологией общества.

Не большая беда, если археологическая хронология несколько груба, если ее выводы иногда кажутся недостаточно точными. Перед нами одна из отраслей подлинной исторической науки, причем единственная, способная увести исследователя в толщу темных веков, совсем не освещенных или освещенных весьма скудно, иногда пристрастно и даже умышленно искаженных письменностью.

Сейчас нам и не придется уходить в малопроницаемый мрак далекого прошлого. Нам надо лишь проверить на археологическом материале экономическое состояние славян и антов и, поскольку это будет возможно, характер их общественных отношений с VI по IX век, т. е. до того момента, когда Киев формально был объявлен матерью городов русских, иначе — период, когда русский народ создавал Киев и Новгород, Ладогу и Смоленск и много других весьма заметных городов и завоевал подобающее ему место в Европе.

Археологический материал безоговорочно, с не оставляющей места для каких-либо сомнений точностью, говорит нам, что восточные славяне в это время были народом земледельческим. В нашем распоряжении добытые во время раскопок различные хлебные злаки, составлявшие для славян основную пищу: несколько сортов проса, пшеница мягкая и твердая, овес, ячмень, горох, мак. Славянин уже знал ценные свойства льна. Из-под земли, после многовекового лежания в ее недрах, извлечены и находятся в нашем распоряжении и орудия земледельческого промысла. Знал славянин в то время и обычный в сельском хозяйстве скот: коня, вола, корову, козу, свинью, овцу. Умел пользоваться этим скотом и в качестве рабочей тяговой силы, питался мясом и молоком, одевался в овечью шерсть. Не было недостатка и в домашней птице — гусях, утках, курах. Услаждал свою пищу он медом, имевшимся в полном изобилии в окружающих его лесах. Умел прекрасно охотиться и там, где было это возможно, добывал прекрасные меха. В глубоких и широких реках, прорезавших в разных направлениях его страну, и в многочисленных озерах он ловил рыбу. Все эти археологические данные, убедительно говорящие сами за себя и без всяких комментариев, вполне подтверждаются случайными письменными источниками.

«У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса», сообщает Маврикий Стратег. Тут Маврикий называет два хлебных злака: «кѣнхрос» и «блѹмос». По мнению специалистов-расте-

ниеводов, кенхрос — это просо, а элюмос — тоже род проса, но заменяющий собой пшеницу. Этот элюмос сеется и до сих пор во многих местах Европы и Азии. Тот же Маврикий говорит о многочисленных поселках антов и славян, могущих привлечь византийцев богатой добычей.

Менандр (конец VI в.) рассказывает, что авары, переправившись через Дунай, «начали немедленно жечь селения славян, разорять и опустошать их поля». Тот же Менандр говорит вообще о зажиточности славян. «Славянская земля изобилует деньгами,— пишет Менандр,— потому что и з д а в н а славяне грабили римлян... их же земля не была разорена никаким другим народом».

Древний славянский календарь названиями месяцев тоже говорит о том, что славянин делил время с целью правильного распределения именно земледельческого труда. Этот календарь — очень глубокой древности и соответствует тому периоду, когда система земледелия была еще огневая, или подсечная, когда еще не было сохи и земля давала свои урожаи путем смешивания ее с древесной золой, получаемой от сожженного леса. Названия месяцев — сечь (от слова сечь, т. е. обрубать деревья для сожжения), сухой (подсушка срубленного дерева), березозол (от березовой золы), травень (от трава), кветень (от цвести), серпень (от серпа), вресьень (от вращать, молотить) — совершенно ясно говорят о подсечном земледелии. В оценке этих фактов не может быть никаких колебаний, так как и у других земледельческих народов мы видим то же самое. Так, например, у земледельческого народа чувашей названия месяцев означают: месяц пара, т. е. когда земля находится под паром, месяц унаваживания, месяц сенокоса, месяц уборки сена, месяц серпа, месяц жатвы, месяц сбора льна, месяц молотбы, овинный месяц и т. д. То же мы видим и у черемисов. Относительно армянского календаря Дюлорье, поддержанный академиком Я. А. Манандяном, утверждает, что и армяне делили год на части по принципу распределения земледельческих работ¹.

Наоборот, у народов, где долгое время господствовало скотоводство, например у киргизов, названия месяцев обозначают: месяц, когда ягнятся овцы, месяц, когда начинают донить кобыл для кумыса, месяц стрижки овец, месяц, когда режут скот в зимний запас. У якутов названия месяцев в русском переводе свидетельствуют об их основной заинтересованности в рыбной ловле: месяц, когда расплывается лед, месяц метания икры и т. д....

Конечно, говоря о земледельческом славянском народе, и в частности о восточных славянах, надо иметь в виду огромную территорию, издревле ими занимаемую. На всем этом неизме-

¹ За разъяснение приношу глубокую благодарность акад. Я. А. Манандяну.

римом пространстве не могло быть одинаковых условий для земледелия: в степных пространствах не было подсечной системы, юг был более плодороден, чем север, сказывалось также соседство с более культурными народами.

Не одновременно, но повсюду изменения в технике производства изменяли систему ведения хозяйства и вызывали перемены в общественных отношениях. На юге технические усовершенствования появились раньше, чем на севере. Совершенно случайно дошли до нас некоторые известия о сельскохозяйственной технике именно на севере. В Новгородской земле, где лес позволял долго держаться подсечной системе, в начале XII века мы встречаем уже не подсечку, а трехполье.

Уже тогда оно не казалось новостью для новгородцев с их скудной почвой и неблагоприятным климатом, мало, по сравнению с благодатным югом, обеспечивающим урожай. Первое совершенно случайное упоминание озимого посева мы встречаем в Новгородской летописи под 1127 годом, когда в Новгородской земле «на осень уби мороз верш [хлеб.— Б. Г.] всю о з и м и ц е». Не случись этого несчастья, мы и не знали бы, что в начале XII века новгородцы уже отличали озимый посев от ярового. С какого времени началась эта практика — неизвестно. Мы только учитываем, что это замечание говорит об озимом хлебе вскользь, к случаю, как о практике совершенно обычной. А ведь это значит, что в Новгородской области земледелие велось уже в XI—XII в., а может быть и раньше, на сравнительно очень высоком уровне. Тут же несколькими страницами ниже упоминается и яровое.

Мы, конечно, не должны игнорировать и движимых ценностей, которые попадали к богатым людям разными путями в виде различных сокровищ, но наше внимание естественно должно быть прежде всего обращено на землю — основной источник материальных благ славянина, благ, самых для него насущных.

Очень показательной для понимания докиевского периода является история восточнославянского и русского ремесел, чему посвящена специальная работа Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

Поставив задачу проследить истоки высокой ремесленной техники Киевской Руси, автор уходит в своих наблюдениях в глубь веков и старается проследить историю русского ремесла со времени скифов.

Хотя скифский период, по его мнению, непосредственно и не связан с историей восточных славян, однако он сообщил им ряд штрихов, крепко привившихся в быту восточного славянства. Таковы — похоронный обряд, срубные гробницы, следы ритуальных изображений скифско-сарматского мира в народной русской вышивке, зооморфные и антропоморфные фибулы, мотивы

скифских терракот на глиняных русских игрушках и др. «Дальнейшие работы,— говорит Б. А. Рыбаков,— несомненно увеличат количество точек соприкосновения Киевской Руси со скифским миром, но и приведенных фактов достаточно для того, чтобы показать, что историю русских приднепровских княжеств следует изучать с глубокой древности».

Следующий устанавливаемый автором период — римский (II—IV вв. н. э.). Связь с этим периодом обнаруживается в вещах, найденных на полях погребальных урн. Одним из фактов, говорящим об этой связи, Б. А. Рыбаков считает заимствование славянами у римлян меры сыпучих тел. Русская четверть не только является переводом римского термина (квадрант), но и совершенно точно соответствует квадранту по своему объему. Автор подчеркивает, что население Поднепровья к этому времени было уже подготовлено предшествующим своим развитием к восприятию некоторых сторон римской культуры.

VI—VII века автор называет антским, иначе русским, периодом. Б. А. Рыбаков ссылается здесь на замечание Псевдо-Захарии о том, что часть венедов в это время стала называться в Византии и Сирии антами и рос-людьми.

Четвертый период для Поднепровья, падающий на часть VII, VIII веков и начало IX века, Б. А. Рыбаков характеризует заметным воздействием хазарско-восточной культуры. Этот период есть время оживления культурных связей восточных славян с послесассанидским Ираном, завоеванным тогда арабами. «Расцвет Приднепровья в VII—VIII вв. есть результат его собственного интенсивного развития и связей его с Византией, Ираном и арабами. Высокая культура Приднепровья явилась приманкой и для варягов, походы которых на Русь падают на IX век»¹.

Все привлеченные Б. А. Рыбаковым факты из далекого прошлого восточного славянства позволяют установить непрерывность и последовательность развития восточных славян, благодаря чему делается вполне понятной и объяснимой высота культуры Киевской Руси.

Некоторые положения Б. А. Рыбакова носят характер научных гипотез, а не вполне доказанных теорем. Но ведь нет науки без гипотез, и есть разного качества гипотезы. Построение Б. А. Рыбакова во всяком случае не имеет сколько-нибудь серьезных противопоказаний и подтверждается достаточным количеством фактов и убедительными теоретическими соображениями.

К этим соображениям Б. А. Рыбакова следует присоединить факты несколько иного характера, полностью подтверждающие справедливость его выводов.

¹ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Исторический журнал», 1943, № 73—80.

Имею в виду уровень развития религиозных представлений антов VI века.

Прокопий Кесарийский, крупнейший византийский историк (род. в конце V в. н. э., умер в 60-х годах VI в.), имевший возможность встречаться с антами, сообщает об их религии следующее: «Они считают, что один только бог, творец молний [т. е. знакомый нам Перун.— Б. Г.] является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды... Они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят всем им жертвы и при помощи этих жертв производят гадания».

Для правильной оценки этого сообщения необходимо учесть написанное в нашем «Слове о том, како первое погани суще, языци кланялись идолам», где прекрасно изображены этапы развития славянской языческой религии: «и ти [славяне.— Б. Г.] начаша требы класти Роду и Рожаницам *преже* Перуна, бога их; а *преже* того клали требу упирем и берегиням».

Перед нами три стадии в развитии религиозных представлений всех народов: тотемическая религия сменяется обоже- ствлением предков и, наконец, появляется представление о высшем едином божестве.

Анты в VI веке уже поднялись до этой третьей ступени. Материальная и духовная стороны культуры развивались в полной закономерности.

Откуда могла появиться всем известная высота культуры Киевского государства, если бы у нее не было глубоких корней в далеком прошлом? Б. А. Рыбаков сделал удачный опыт решения крупнейшего вопроса о докиевской Руси на базе своих археологических материалов, поставил его на правильный путь и бьет по тем построениям, которые не хотят видеть этого пути или сходят с него без всяких для этого оснований.

Другое исходное положение, теоретически столь же неизбежное, сколь для наших целей и необходимое,— это признание рода первичной, из доступных нашему наблюдению, формой общественных отношений. Тут мы основываемся не только на письменных данных,— скажем к примеру, на словах автора «Повести временных лет», где он, говоря о прошлом восточного славянства, подчеркивает: «живяху каждо со своим родом, владеюще каждо родом своим»,— а и на фактах археологических.

В самом деле, как иначе понять картину, развернувшуюся перед взором П. Н. Третьякова, когда он раскопал в устье р. Сонохты, впадающей в Волгу в 20 км ниже устья р. Шексны, вблизи деревни Березники, целый поселок IV—V столетия, целиком погибший во время пожара (это последнее обстоятельство способствовало сохранению его остатков в подлинном виде).

На пространстве, укрепленном валом,— 11 построек, из них 5 жилых, 1 сравнительно большая для общественных нужд,

2 для обработки металла, 1 ткацкая, 1 для хранения и размола зерна и 1 погребальная. Тут индивидуального хозяйства еще нет. Перед нами коллектив, и несомненно родовой, поскольку имеется особое помещение для праха покойников, покровителей рода. Земледелие ведется без помощи животного. Лошадь еще предпочитают употреблять в пищу¹.

Картина существенно меняется в раскопанных поселках для более позднего времени — VII—VIII вв., где уже лошадь не столь часто едят, а пользуются ею как тяговой силой, где появляются железные наконечники сох, исчезает изолированность родов, и имеются явные признаки индивидуального хозяйства. Это на север от Поднепровья. В Поднепровье эти этапы переживаются значительно раньше.

Вывод о том, что народ, который интересует нас сейчас, по всем данным в VI веке уже успешно занимался земледелием, владел значительно развитой техникой ремесла, — поможет подойти и к решению более трудной проблемы — об эволюции общественных отношений у восточных славян.

При условии господства земледелия в стране земля должна была играть первостепенную роль, и когда начали выделяться из массы отдельные богатые люди, их богатство должно было выражаться, несомненно, и в освоении земли. Человек, вложивший в землю свой большой труд, обладающий средствами производства, чтобы поддержать ее в культурном состоянии, имел все основания претендовать на право в отношении обработанного им участка. Документы говорят нам, что это так и было на самом деле. В «Русской Правде» XI века несомненно уже наличие индивидуального хозяйства. Но это — XI век. Нас же интересует более раннее время, о котором письменных памятников, говорящих об этих фактах, у нас, к сожалению, нет. Археологические данные, как мы видели, позволяют нам наметить этапы в истории производственных отношений от коллективного до индивидуального хозяйства. Раскопки старой Ладоги В. И. Равдоникасом, даже еще и незаконченные, уже ясно говорят о наличии в городе в VIII веке индивидуальных хозяйств: дворы, кроме жилых помещений, имеют хозяйственные постройки, составляющие вместе хозяйственный комплекс. Это и есть летописный «дым», единица хозяйственная и в то же время единица обложения. Жители питаются хлебом и мясом домашних животных и птиц. Среди костных остатков 46% принадлежат свинье, 28% — крупному рогатому

¹ Если даже в этом поселке в IV—V вв. жили не славяне, а какой-либо другой народ, то, поскольку эта часть Поволжья очень рано стала заселяться славянами, большой разницы между славянами и не-славянами в ведении хозяйства быть не могло. П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. «Материалы» исследования по археологии СССР, № 5, 1941.

скоту, 14⁰/₀ — мелкому; костей диких животных, т. е. продуктов охоты, — только 12⁰/₀. Картина совершенно ясная, не требующая комментариев. Но индивидуальное хозяйство еще не говорит о распаде общественных коллективов, а лишь об изменениях внутри их. Кровное родство, связывавшее когда-то род, изменение техники производства должно было ослабевать и было заменено другими, чисто хозяйственными отношениями. Родовая община превращалась в общину сельскую.

Следить за этим превращением мы не имеем возможности. Мы можем лишь отметить пережитки старого общественного строя в более поздних памятниках. В древнейшей «Русской Правде», хранящей в себе следы очень далекого прошлого, например, есть статья, говорящая о мести, этом несомненном свидетеле стародавнего строя, когда каждый член рода должен был выступать на защиту своих родственников. Но «Русская Правда» в этой статье имеет в виду уже не род, а более замкнутый круг родственников, большую семью. К тому же «Русская Правда» не настаивает в случае убийства на применении этого старого права, а предлагает на выбор: либо месть, либо денежное взыскание, которое очень скоро и вытеснило месть совсем. Высокие штрафы в ранних законодательствах у всех народов объясняются именно тем, что они выплачивались всем коллективом — сначала родовым, потом сельской общиной, а не индивидуально. В «Русской Правде» середины XI века тоже есть статьи, сохранившие в себе намек на этот старый, уже умирающий обычай. Если совершено умышленное убийство, то «за разбойника люди не платят», но должны выдать его с женой и детьми. Если убьют высокопоставленное лицо («огнищанина») умышленно, то платит штраф сам убийца, а «людem [платить.— Б. Г.] не надобе».

Закон выделяет случай, когда убийца индивидуально или всем своим семейством (а не родом) отвечает за свое преступление, а не его соседи по общине (это и есть «люди»). «Правда» указывает и на много случаев, когда вся община обязана платить за отдельных своих членов или за весь коллектив в целом. «Русская Правда» называет общину двумя терминами: северным — «мир» и южным — «вервь».

Не может быть никакого сомнения в том, что община не создана «Русской Правдой», а попала в нее как обычное явление русской жизни, как стержень русских общественных отношений, имеющий свои корни в глубочайшей древности, когда эту общину составляли родственники по крови, которые и вели свое хозяйство сообща.

Эту общину мы видим в византийском «Земледельческом законе», несомненно отражающем славянский общинный строй.

Путь, который мы выбрали для отыскания нужных нам следов прошлого, путь от более нового известного к старому не-

известному, оказался надежным. Он позволил нам прийти к выводу о роде, как наиболее древней известной нам форме общественных отношений, и перерождении рода в сельскую общину со значительными пережитками родового строя.

Но «Русская Правда» даже в древнейшей своей, недатированной части, которую по содержанию многие историки относят приблизительно к VIII веку, есть закон классового общества и стоит на страже более привилегированной, более богатой и вооруженной части общества. Стало быть, уже прошло то время, о котором говорилось выше, когда в VI веке был вооружен весь народ, когда он собирался на общие вечевые собрания и, как выражался византийский историк, «жил в демократии», которую мы имеем основание назвать «военной демократией». Ни о какой подлинной демократии «Русская Правда» говорить не позволяет. Она сама есть документ государственного законодательства и знакомит нас с таким периодом в истории русского общества, когда власть уже отделилась от народа, когда народные собрания замолкли и когда страной управлял князь со своим аппаратом.

Древнейшая «Русская Правда» оберегает интересы военных людей, имеющих свою челядь, в состав которой входят рабы и зависимые люди — не-рабы. Если челядину вздумается самовольно покинуть своего хозяина, закон спешит на помощь хозяину и принимает меры к водворению челядина на старое место, а в более поздней приписке дается право хозяину либо бить, либо даже убить своего холопа, если последний осмелился его ударить. Эта же «Русская Правда» прекрасно знакома с куплей-продажей различных вещей, знает рыночную цену каждой вещи. Это уже не родовый строй.

Если мы внимательно вдумаемся в различные тексты «Русской Правды», что в значительной степени облегчается сейчас благодаря новому академическому ее изданию, то мы до некоторой степени сможем себе представить хотя бы бледный облик представителей господствующего класса, интересам которого и служит древнейшая «Русская Правда». В двух списках «Пространной Правды» (начало XII в.) есть статья: «если хозяин разыщет своего холопа в чьем-либо городе, или в хороме»; в остальных списках «в хороме» пропущено. В древнейшей «Правде» есть статья: «если холоп ударит свободного мужа и бежит в хором». Возникает вопрос, — что это за «хоромы», где может найти себе убежище холоп, хоромы, которые сопоставляются с городом, т. е. укрепленным пунктом? «Правда» допускает случай, когда хозяин этих «хором» не захочет выдать холопа.

Самое простое объяснение будет то, что «хоромы» — тоже укрепленное место, только, очевидно, поменьше города, принадлежащее определенному владельцу. На это указывает и несколько более позднее известие «Повести временных лет» о княжеских и

тем самым и боярских усадьбах и о «градах» (замках), конечно, возникших раньше, чем упоминание о них попало в «Повесть».

Князь Владимир Святославович, устанавливая после принятия христианства десятину на содержание Киевской десятинной церкви, распорядился давать эту десятину «от имения своего и от град своих». Таким «градом», несомненно, был и Вышгород, о котором в «Повести» прямо и сказано: «бе бо Вышгород град Вользин».

Может быть, некоторые «хоромы», т. е. укрепленные места — дворы, находились и в черте городских укреплений.

Делается понятным и сопоставление «хором» с городом, и возможность в «хоромах» защищаться.

Подобные случаи, очевидно, были часты, если особая статья очень лаконического закона специально о них заговорила.

Если это так, а иначе едва ли можно понять эти статьи, то «мужи» древнейшей «Правды», не случайно изображенные здесь всегда вооруженными (даже во время пиров), всегда готовыми обнажить меч, всегда готовыми выступить на защиту своей кастовой чести, понятие о которой уже совершенно ясно успело оформиться, — суть владельцы укрепленных «хором», где живут они сами, окруженные своей челядью, обязанной их кормить, обувать, одевать, а в случае необходимости и защищать. Что это, как не двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке?

Это не фантазия, а самое естественное объяснение приведенных текстов «Правды». Что это так, можно показать и другим путем. Для этого придется обратиться к более позднему времени, к X веку.

«Повесть временных лет» в своих рассказах о событиях X века как бы мимоходом сообщает нам о том, что у киевских князей имеются свои земли и замки. Ольге принадлежали села Ольжичи, Будутино, «град» [замок — Б. Г.] Вышгород; село Берестово было подгородным селом князя Владимира¹, город Изяславль был пожалован Владимиром его жене Рогнеде, сама Рогнеда жила в княжеском селе на р. Лыбеди; под Новгородом в конце X и начале XI вв. было княжеское село Ракома. Все это случайные упоминания, но они ясно говорят, что князья в X веке владели и замками и землей.

А что сказать об окружающей князей знати, без которой князья не предпринимали ни одного сколько-нибудь крупного политического шага, потому что вынуждены были с нею считаться как с большой политической силой? У нас есть возможность ответить и на этот вопрос на основании данных «Повести временных лет», договоров Руси с греками и других источников.

В договорах Руси с греками мы имеем не только упоминание

¹ Тут стоял его «терем» и жили его наложницы, тут же он и умер.

в общей форме «бояр», «светлых бояр», «мужей», в интересах которых и заключались эти договоры, но и поименный перечень многих из этих бояр, активно участвовавших в заключении договоров через посылку своих уполномоченных в Константинополь. Особенно в этом отношении интересен договор князя Игоря в 944 году, потому что мы имеем возможность сопоставить состав этой делегации в Константинополь с другой, ей подобной, девять-десять лет спустя, когда княгиня Ольга решила сама отправиться в столицу Империи, и с некоторыми другими источниками.

В посольстве, отправленном Игорем, был особый посол самого Игоря — Ивор, очевидно стоявший во главе посольства; остальные делегаты, в том числе и уполномоченный от Игоревой жены Ольги, — Искусев, от сына Святослава — Вуефаст и от племянника Игоря — Слуды, — вошли в состав «общих» послов. Посольство составлено было из уполномоченных князя, княжеской семьи и наиболее крупной знати, окружавшей князя. Так в договоре и обозначено: Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн от Сфандры, жены Улеба, Грим от Сфирка, Каршев от Тудора и т. д. Послали своих уполномоченных 20 крупных боярских фамилий, которые, несомненно, в данный момент стояли у власти.

Особое внимание мы должны уделить двум женщинам — Предславе и жене Улеба Сфандре. Кто они? Почему они тоже посылают своих делегатов, тем самым указывая на свою принадлежность к кругу высшей знати? Естественнее всего предположить, что это вдовы, продолжающие представлять свои знатные фамилии и после смерти мужей, подобно тому, как Ольга не потеряла своего главенствующего положения после смерти своего мужа Игоря. Это говорит об устойчивости знатных фамилий, т. е. о прочности их материальной базы.

Совершенно по тому же принципу было организовано и посольство княгини Ольги в Константинополь, с той только разницей, что она от себя не поставила на этот раз уполномоченного, а ехала во главе посольства сама, однако 20 (или 22) вельмож уполномочили своих представителей и на этот раз. Это — система, указывающая нам на характер власти киевского князя и на роль находящейся при нем знати.

Эти 20 бояр — не княжеские дружинники, жившие за счет князя в его гриднице. Иначе при чем тут женщины? Это богатейшие люди страны и, как есть основание утверждать, выросшие из земли и не теряющие с нею связи. На связь их с землей косвенно указывают факты другого очень интересного документа — жалованной грамоты новгородского князя Святослава Ольговича (1137). В этой грамоте отражено и более старое время «дедов и прадедов» этого князя, т. е. X век. Тут мы имеем перечень княжеских владений в Новгородской земле, сре-

ди которых огромное большинство погостов-волостей носит имена, происходящие от имен личных, по всей вероятности, старых владельцев этих волостей: таковы погосты Волдутов, Тудоров, Ивань, Чудин, Спирков и др.

Кто они эти Волдуты, Тудоры, Иваны, Спирки и др.? Спирка (Сфирка) мы встречаем в числе знати, окружавшей Игоря, послывавшего своего делегата в Константинополь в 944 году. Там же мы видим и Тудора. Чудин нам тоже хорошо известен. Это знатный муж, с разрешения князя построивший себе двор в аристократической части Киева, на месте бывшего княжеского двора. В 945 году этот двор уже там стоял. Следовательно, в это время Чудин уже тут жил. Потомков этого Чудина на высоких должностях мы знаем и в XI веке. В посольстве князя Олега в 912 году встречается Лидул, весьма напоминающий Лигуя грамоты Святослава. По аналогии вспоминается Будутина весь, куда княгиня Ольга сослала свою «провинившуюся» ключницу Малушу, и Будятина пристань в Новгороде. Будята, или Будута — несомненно богатый новгородец, владелец судов, пристани и в то же время землевладелец.

Перед нами самое распространенное явление: прозвища людей, происходящие от их земельных владений или наименование земельных владений по именам их владельцев.

Аналогичное явление можно наблюдать во всей Европе. При именах вельмож Западной Европы мы встречаем частицы «фон» и «де», сочетающиеся с собственными именами земельных владений. «Если бы исчезли все известия о происхождении западно-европейского высшего сословия,— говорит по этому поводу С. М. Соловьев,— то из одних фамильных имен мы заключили бы, что имеем дело с землевладельцами»¹.

Устойчивость этих фамилий выражается, между прочим, и в наличии у них своих «гербов», если будет позволено так называть особые фамильные знаки князей и знатных людей, недавно вскрытые в интересной работе Б. А. Рыбакова.

Итак, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что в X веке и князья и бояре — землевладельцы.

Когда же они стали землевладельцами?

На этот вопрос точного ответа дать нельзя: происхождение права собственности на землю не может датировать ни один историк, историей какого бы народа он ни занимался. Ясно только, что это процесс длительный, что это процесс распада родовых отношений, процесс образования классов.

Одно необходимо сказать: если в X веке землевладение князей и бояр — явление обычное, то оно, конечно, существовало уже и в IX веке и еще раньше.

¹ С. М. Соловьев. История России с древних времен. Изд. «Общ. польза», т. II, стр. 326.

Весь вопрос в степени распространения этого явления и в тех изменениях, какие им вносятся в общественные отношения. Ведь землевладение князей и бояр, вели ли они свое собственное хозяйство или пользовались благами от труда сидевших на освоенной ими земле непосредственных производителей, говорит о том, что известная часть производителей, свободная, до момента освоения земли, уже перестала быть свободной и вынуждена была в силу этой своей зависимости работать на господ, отдавать им часть своего труда либо весь свой труд целиком.

Прежде чем эта система землевладения и эксплуатации земли сделалась господствующей, основной фигурой в производстве необходимых человеку благ был свободный крестьянин-общинник.

Соответственно с эволюцией сельского хозяйства развивалось, как мы уже видели, и ремесло. Археологические данные позволяют говорить о наличии ремесленных центров, имеющих определенный район распространения их продукции. Отсюда и понимание нашими археологами летописного перечня племен, как архаики, утерявшей реальный смысл, во всяком случае, к IX веку. В это время, как указал В. О. Ключевский, уже намечаются области с городами во главе, с пестрым племенным составом: большинство областей состояло из разных племен или их частей. Названия областей по имени городов начинают вытеснять старые племенные названия. Такими являются области бужан, червнян, волянян — выкроенные из племени дулебов, полочане, смольняне, псковичи — из кривичей и словен, новгородцы — из кривичей, словен и некоторых неславянских элементов, киевляне — из полян, древлян и т. д.

Эта система городских областей, конечно, была следствием распада племенного строя и важным показателем экономических и политических успехов восточнославянского общества. Но успехи эти на столь большом пространстве, занятом восточными славянами, не могли быть и не были везде одинаковы. Впереди шли дулебы, поляне, северяне, словене. Древяне, радимичи и особенно вятичи отставали. Вследствие этой отсталости территории древлян, радимичей и вятичей присоединяются к другим центрам: территория древлян — к Киеву, радимичей и части вятичей — к Чернигову. Это тоже показатели, говорящие о том, что сведения о первых государственных образованиях у восточных славян нисколько не противоречат их экономическому состоянию.

Дофеодалные государства, конечно, жили своей внутренней интенсивной жизнью. В общественный строй, где ведущая роль принадлежала крестьянским общинам, крупное землевладение вклинивалось и крепло постепенно. В течение нескольких веков существования этого общественного дофеодалного строя подго-

товлялись крупные перемены, несшие общинам и общинникам потерю их земли и свободы.

Государство, возникавшее всегда и везде на базе уже существующего имущественного неравенства, способствовало дальнейшему расширению и углублению этого неравенства.

Вот именно с такими дофеодальными государственными образованиями мы и имели дело до сих пор, и Киевское государство, объединившее отдельные политические организации восточного славянства и включившее в себя некоторые неславянские народы, было в первое приблизительно столетие своего существования именно таким дофеодальным государством.

Землевладельческая знать, окружавшая князей и разделявшая с ними власть, была заинтересована в дальнейшем усилении княжеской власти, до того момента, когда сама почувствовала в себе достаточно сил, чтобы обойтись без князя или взять его под свою опеку. Так созревали при поддержке княжеской власти те силы, которые потом стали ею тяготиться и в конечном счете ее уничтожили, чтобы расчистить поле для ничем не сдерживаемого аппетита крупных землевладельцев, для превращения их владений в независимые и разрозненные политические организации. Только народная масса, крепкая своей общинной организацией, спаянная единством языка, обычаев и преданий, всегда напоминала о единстве русского народа и, особенно сильно страдая от усобиц, содействовала делу нового объединения Русской земли.

Но это торжество нового национально-политического объединения далеко впереди,— оно там, где во мраке веков вырисовывается облик Москвы.

V

СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА. ЕГО МЕСТО В ЕВРОПЕ И АЗИИ

Если первое восточнославянское государство в Прикарпатье оказалось не в силах справиться с нашествием аваров, если государство «словен» сначала, повидимому, во главе с Ладогой, а потом с Новгородом в центре, объединившим и часть народов Прибалтики, временно вынуждено было платить дань варягам, если «Артания» целиком попала под власть хазар (все рассуждения об Артании не больше, чем обычная научная гипотеза), а часть «Куявии» вынуждена была некоторое время платить дань им же, — то это говорит, во-первых, о том, что восточные славяне и те народы, которые искали своего спасения в единении с ними, были окружены сильными врагами, готовыми использовать временные затруднения своего соседа; во-вторых, что политические организации восточного славянства были еще недостаточно сильны, чтобы дать решительный отпор своим агрессивным соседям.

Нельзя забывать и того, что, кроме восточнославянских племен, которые в непосредственном столкновении с варягами и хазарами терпели неудачи, среди восточного славянства находились племена, сохранившие свою независимость (древляне, тиверцы, уличи и др.), но их самостоятельному существованию грозила опасность со стороны усиливающихся соседних с ними государств — Венгрии, Польши и Чехии. IX и X века в истории восточного и западного славянства были временем, когда должна была решиться их историческая судьба. Она и была решена путем создания прочных государств, между которыми, однако, оставалось много спорных вопросов, разрешавшихся в течение последующего времени.

Русь сумела обезопасить себя от врагов, вернула себе от-

торгнутые части и заняла на политической карте Европы прочное и почетное место.

Трудно ярче выразить ход этого политического успеха Руси чем сделал это в своей краткой характеристике Маркс. «Старинные карты России, будучи раскрыты перед нами, обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже большими размерами, нежели те, которыми она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX и XI столетий отмечают [конечно, воинственные соседи.— Б. Г.] с тревогой. Нам указывают [источники и исследования, известные Марксу.— Б. Г.] на Олега, бросившего против Византии 88 000 человек и продиктовавшего, после того как он укрепил свой щит в качестве трофея на воротах этой столицы, позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира. Нам указывают также на Игоря, сделавшего Византию своей данницей, и на Святослава, похвалявшегося: «греки доставляют мне золото, драгоценные ткани, овощи, фрукты и вина. Венгрия снабжает скотом и конями, из Руси я получаю мед, воск, меха и людей», и наконец, на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию и принудившего греческого императора отдать ему дочь, подобно тому, как это сделал Наполеон с германским императором. Последним актом он сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе»¹. Нам остается только более подробно осветить эти блестящие страницы истории Руси.

Киевское государство, как мы уже видели, образовалось не на пустом месте. Образование Киевского государства есть политический факт сравнительно позднего времени. Восточное славянство до этого события в деле создания государственности успело проделать немалый путь.

«Повесть временных лет» ставит перед собой задачу изобразить не деяния и жизнь всего восточного славянства, а дать лишь историю династии Рюриковичей. Она пишется в такой исторический момент, когда сторонникам единения Руси, к коим принадлежал и автор «Повести», и его заказчик, и редактор — киевский князь, приходилось напрягать все свои силы для борьбы с распадом государства, опасностью, в это время слишком реальной. Оправдывать историческую роль правящей династии значило в то время агитировать за ее незыблемость, за необходимость подчинения ей во имя целостности государства и бороться с теми, кто свои местные интересы ставил выше общегосударственных.

Автор «Повести временных лет» пишет свой труд тогда, когда в сознании русских людей уже определился исторический

¹ М а р к с. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London, 1899, p. 75.

смысл событий, пережитых Русью, когда было закончено огромной важности дело, наполнявшее их сердца патриотической гордостью. «Кого Бог так любит, как возлюбил нас? — вопрошает автор «Повести». — Кого так почтил, как прославил и вознес нас?» — и отвечает категорически: «Никого!»

Тот же мотив слышим мы и в знаменитом «Слове о законе и благодати» русского священника из княжеского села Берестова (посаженного потом самим Ярославом на кафедру киевского митрополита, ранее занимавшуюся исключительно просвещенными греками): «Не в плохой стране и не в неведомой земле были они [князья Рюриковичи: Игорь, Святослав и Владимир. — Б. Г.] владыками, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли».

Понятно, почему автор «Повести» отправляется от факта призвания Рюрика, освещая предшествующие события лишь самыми краткими комментариями, минимальными для понимания обстановки этого призвания.

Успехи нашей науки в раскрытии истории русского летописания сейчас позволяют нам утверждать, что до составления «Повести», как подводящего итоги, обобщающего труда, велись местные летописи, в наиболее крупных культурных центрах Руси — Киеве и Новгороде. До «Повести» в Киеве составлен был труд и более общего характера, до нас не дошедший. Мы сейчас научились из «Повести временных лет» извлекать отдельные части исторических работ, более ранних, чем записи новгородских и киевских летописцев.

Очевидно, автор «Повести временных лет», имея перед собой труды своих предшественников и не предполагая, что они для потомства совершенно исчезнут, не считал необходимым в свой новый труд вносить все то, что излагалось в работах его предшественников, а брал оттуда только то, что ему было в тот момент необходимо. Этим объясняются скудость и отрывочность известий «Повести» о древнейших событиях в Новгороде и Киеве. А те известия, которые автор «Повести» использовал, подверглись заметному пересмотру. Он, например, пропустил известие первоначальной новгородской летописи о насилиях варягов, чинимых над новгородцами («...то ты насилье деяху словенам, кривичем и мерям и чуди»), как отнюдь не способствующее поставленной автором «Повести» задаче прославления династии Рюриковичей. Автор «Повести» все же упомянул об изгнании новгородцами насильников, сообщил подробности о том, как стали жить новгородцы после изгнания варягов и чем было вызвано призвание пресловутых трех братьев, о которых киевляне до тех пор ничего не знали и которыми во всяком случае интересовались очень мало, так как у них в это время была своя, более близкая им история. В новгородской летописи были подробности, также опущенные или измененные в «Повести»,

о том, что новгородцами по имени города стали называться «словене и кривичи и меря», что «...словене свою волость имели, а кривичи свою, а меря свою», что «чудь своим родом владела», и когда встали «словене и кривичи и меря и чудь на варяги и изгнаша я за море, начаша владети сами себе и города ставити и всташа сами на ся воевать, и бысть меж ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не бе в них правды». Пропустил автор «Повести» и новгородское известие о длительной борьбе новгородцев под предводительством Вадима против Рюрика и о том, что после их поражения «избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей».

Рюрик, как основатель династии киевских князей, был необходим автору «Повести», и он поместил у себя новгородское предание, придав ему более благоприятный для репутации Рюрика смысл.

Интересно отметить, что знают какого-то Рюрика и франкские летописи, говоря о нем, как о видном вожде датской военноморской дружины, успевшем утвердиться на Скандинавском полуострове в городе Бирке. Не будет ничего удивительного, если после дополнительных розыскиваний окажется, что этот Рюрик датский и есть тот самый герой, о котором повествуют русские летописи.

Во всяком случае в факте призвания вспомогательного наемного датского отряда одною из борющихся сторон на новгородской территории нет ничего невероятного. Ведь повторялись же подобные случаи позднее неоднократно при Владимире Святом и при Ярославе Мудром.

Неудавшееся восстание новгородцев против Рюрика, обнаружившего намерение из предводителя наемного отряда стать новгородским князем, дало Рюрику власть над новгородцами, а его преемник во главе новгородского войска занял Киев, превратив эту столицу самостоятельного до сих пор государства в центр своих объединенных владений. Согласно летописным данным, это произошло в 882 году. Отсюда и началось существование державы Рюриковичей. Факт, сам по себе, конечно, важный, но мы прекрасно знаем, как он был подготовлен всей предшествующей историей восточного славянства.

Тут у каждого может возникнуть вопрос: если Рюрик — не славянин, а варяг, не значит ли это, что в русской государственной жизни руководящую роль играли варяги, что они вели свою, варяжскую политику?

На этот вопрос ответить не трудно. Если бы Рюриковичи остались в новой своей родине варягами, они не смогли бы стать во главе русского народа. В том-то и дело, что рюриково-потомство и его окружение очень быстро ославянились: они все, несомненно, говорили на русском языке, молились русским богам, слились с русскими военными силами настолько, что вся

военная терминология у них была отнюдь не варяжской (копье, щит, сулица, секира, лук, тетива, стрела, броня, шлем, дружина, вой, войско, воевода и др.— все эти слова славянские, частично полученные с Востока). Единственное варяжское слово в военной терминологии, попавшее в новгородский обиход, это слово «гридь», однако не вытеснившее и чисто славянского слова, обозначающего то же понятие,— дружина. Окружение даже первых Рюриковичей далеко не сплошь варяжское. В договорах с греками в 944 году, где названо по именам большое количество знати, рядом с варяжскими именами встречаются, несомненно, славянские, финские и тюркские, т. е. как раз те этнические элементы, которые наиболее часто и близко соприкасались с славянами и частично вошли в состав славянского Киевского государства.

Наконец, и это самое главное, династия Рюриковичей, какого бы она ни была этнического происхождения (ведь спор об этом не прекратился и сейчас), могла удержаться во главе славянского государства единственно при условии, если она ослабится в смысле своей деятельности и политической программы. И в этом отношении династия Рюриковичей удовлетворяла полностью интересам Русского государства.

На эту последнюю сторону дела следует обратить внимание прежде всего.

Политическая деятельность самого Рюрика нам мало известна. Согласно показанию единственного в этом отношении источника — «Повести временных лет», Рюрик «раздавал мужам своим города: одному Полоцк, другому Ростов, третьему Белозеро, и владел словенами, кривичами, мѣрею, весью и муромой». Из того же источника видно, что какая-то часть сподвижников Рюрика с Аскольдом и Диром во главе отделилась от него и самостоятельно заняла Киев.

В то время, когда Рюрик княжил в Новгороде, Аскольд и Дир владели Полянкой, т. е. Киевской, землей и предприняли удачный поход на Константинополь, куда, как мы уже видели, за несколько столетий до этого не раз устремлялись анты.

Научная критика в сообщении «Повести» внесла много поправок. Сейчас на них можно и не останавливаться, потому что нам важны в данный момент лишь общие штрихи, характеризующие положение двух государств — Новгородского и Киевского — и направление деятельности их правительств. Из дальнейшего хода событий видно, что 1) оба государства до 80-х годов IX века существуют самостоятельно; 2) новгородский князь, сменивший своего предшественника или предшественников, если князей здесь было несколько, укрепляет свое политическое положение в Новгороде; 3) какие-то предприимчивые люди из сподвижников Рюрика, вероятно недовольные тем, что их вождь изменил им и их авантюрным планам предпочел соглашение

с новгородцами, покинули его с намерением идти на богатый царственный Константинополь, куда они и пошли, предварительно по пути заняв Киев и пополнив здесь свои ряды полянами, желавшими участвовать в этом походе.

Перед нами, если мы правильно понимаем сообщения «Повести», очень интересная ситуация. В то время, когда Киев, оказавшийся временно во власти предприимчивых и беспокойных авантюристов, принимает участие в далеком походе на Византию, Новгород организуется и накапливает свои силы. Результат не замедлил сказаться: преемник Рюрика Олег (кто бы он ни был — родственник ли Рюрика или же один из его видных соратников), уже мог использовать собранные в Новгородской земле силы. Во главе большого разноплеменного войска Олег совершает поход на юг по Днепру, овладевает последовательно Смоленском, Любечем и, наконец, самим Киевом.

Важно отметить тут тождество организационных приемов, уже испытанных властью в пределах новгородских: подобно тому как Рюрик, взяв на себя роль правителя, при помощи рассаживания своих мужей в различных частях своего государства укреплял между ними политическую связь, Олег после занятия каждого из крупных поднепровских городов тоже систематически сажает мужей своих («...приде к Смоленску ...прия град и посади муж свой, оттуда поиде вниз и взя Любечь и посади муж свой»). Только в Киеве он не посадил никого из своих мужей, а сел сам, заявив «се буди мати градом Русским», чем и определил новое политическое значение Киева, как столицы большого государства, в состав которого входит и Новгород.

Для такого решения было много оснований. Киев в это время был уже значительным городом, лежал он на прекрасной реке, ведущей с севера на юг прямо в «Русское» (Черное) море, а из него лежал путь в Царьград [Константинополь.— Б. Г.] и дальше до Рима. Киев был ближе к Царьграду и к Хазарскому царству и Дунайским землям, т. е. к тем рубежам, с которыми соприкасались восточные славяне издавна.

Здесь, на новом месте, мы видим организационные приемы, знакомые нам по Новгороду. Олег «нача города ставити», т. е. укреплять новые свои владения и упорядочивать отношения с входившими в состав государства народами, «и устави дани словенам, кривичем и мери и устави варягам дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето мира деля». Дань платят покоренные народы своим победителям. Таково первоначальное значение этого термина. Но с какого-то времени этим термином начинает обозначаться не только военная контрибуция, но и подать, систематически взимаемая и определяющая гражданское положение ее плательщиков по отношению к государству.

Заметим, что ни один из упомянутых «Повестью» народов

не был завоеван Олегом: ни словене, ни кривичи, ни меря. Необходимо в связи с этим отметить также и технический термин, примененный автором «Повести», в данном случае «устави» (а не «возложи», как это тут же говорится о покоренных народах). Это значит, что Олег в данном случае действует не как военная власть, а как правитель государства, определяя повинности своих подданных. «Уставлять» значит точно определять, узаконивать, водворять порядок. Отсюда и договоры Руси с греками «уставляют» взаимоотношения договаривающихся сторон, и «Русская Правда» называется установлением князей. Новгородская летопись под 1229 годом называет крестьянскую подать данью, считая ее давним установлением прежних князей («како у с т а в и л и переднии князи, тако платите дань»).

Власть продолжает улучшать механизм государственного аппарата, и только вслед за этими действиями власти мы видим ее очень показательные шаги во внешней политике.

Внешняя политика Киевского государства — не авантюра, продиктованная склонностями тех или иных вождей, а система, определяемая интересами растущего государства.

Нетрудно в деятельности первых Рюриковичей видеть две совершенно четко поставленные цели: объединение восточного славянства и защита государства от угрожавших ему народов.

Меня могут упрекнуть тут в предвзятости или в слишком большом доверии к показаниям «Повести». Упреки эти совсем не страшны. Факты сами говорят за себя. А достоверность фактов, сообщаемых «Повестью», тоже несомненна. Она подтверждается всем общим ходом истории Киевского государства, которое ни в коем случае не могло бы достигнуть столь блестящих результатов, если бы факты, сообщаемые в «Повести», были недостоверны.

Я очень хорошо знаю, что та редакция «Повести», которая у нас в руках, есть продукт литературного творчества и редакционной работы конца XI и начала XII века, но так же хорошо знаю и то, что творчество это основано на совершенно точных документах (международные соглашения, записи при дворах князей и духовенства, законодательные акты, иностранные известия, народные песни и др.), а не на фантазии, не на патриотических увлечениях (хотя элементы этого я и признаю) и не на невероятных каких-то «припоминаниях» авторов, а о событиях, отстоявших от них за 100—200 лет. И в наше время у исследователей, оперирующих точными данными, встречаются ошибки и преувеличения, неизбежные в творческом процессе. Они есть, конечно, и у наших первых историков. Наше дело — разобраться в них и отделить пшеницу от плевел. Известия «Повести» о поступательных шагах в развитии Киевского государства есть чистая пшеница.

В самом деле, можно ли подвергать сомнению то, что первые

шаги Киевской державы Рюриковичей во внешней политике связаны с крупными завоеваниями, если мы знаем, что все эти завоевания вошли прочно в государственный инвентарь Руси и были неоднократно засвидетельствованы даже и нерусскими источниками? Обычно смущает исследователей датировка завоеваний IX—X веков, равно как и дата других событий этого времени, но и тут особенно смущаться нечего. Во-первых, у авторов русских летописей всюду расставлены незыблемые вехи: даты крупнейших фактов русской истории (договоры с греками, события всемирной истории, взятые из греческих хроник, куда эти события вносились часто современниками, и притом искусственными в подобного рода работе); во-вторых, это скептическое отношение к датам даже осторожный А. А. Шахматов распространял, и то с указанными ограничениями, только на отрезок времени до 945 года; в-третьих, пора, наконец, признать, что по крайней мере уже в X веке, когда не только существовала, но больше чем вероятно была записана «Русская Правда», когда письменность применялась в международных сношениях (договоры, обязательные верительные грамоты русским кораблям, плавающим в Византии),—официально или полуофициально велись записи крупных событий общественной и политической жизни страны, об отдельных из них составлялись даже особые повествования.

Для примера воспользуюсь фактом, приведенным у Бестужева-Рюмина в его книге «О составе русских летописей до конца XV века» (стр. 37). По мнению Бестужева-Рюмина, Иаков, автор «Похвалы князю Владимиру», несомненно, пользовался какой-то предварительной записью: «По святом же крещении поживе блаженный кн. Владимир 28 лет, на другое лето по крещении к порогам ходи, на третье лето Корсунь город взя, на четвертое лето церковь камену св. Богородица заложи, а на пятое лето Переяславль заложи, в девятое лето десятину... вда церкви св. Богородицы ... и сиде в Киеве кн. Владимир в осьмое лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня в 11 день, а лето 6486. Крестижеса Володимир в десятое лето по убиении брата своего Ярополка».

В «Повесть» тоже попала часть этих фактов, но иногда с явными отклонениями, что совершенно четко бросается в глаза в следующей таблице:

«Повесть»	«Похвала»
6497 — Владимир ходил к порогам	
6498 — взял Корсунь	
6499 — заложил церковь св. Богородицы	6499 — то же сообщение в Новгородской и Ипатьевской летописях
6500 — заложил Переяславль	6500 — в Лаврентьевской летописи
6501 —	6501 — поход на хорватов во всех трех летописях

6502 } —
6503 } —

6502 — во всех трех летописях

6503 — оставлены пустыми

6504 — дал десятину церкви св. Богородицы

6504 — то же во всех трех летописях

Каждый из авторов брал из своего источника то, что ему было нужно. Но их источники, очевидно, не «припоминание». А. А. Шахматов считает, что произведение Иакова относится к глубокой древности и что источником для него послужили «летописные заметки», более древние, чем «Начальный свод», предшественник «Повести»¹. Иными словами, «Повесть» заслуживает большего доверия, чем ей часто оказывают многочисленные скептики.

Конечно, нельзя не признать, что авторы русских летописей при восстановлении особенно IX века встречались с непреодолимыми трудностями, что догадки в подобных случаях были неизбежны. Но «догадки» эти, как правило, оправданы, так как они строились от известного к неизвестному. Было всем, например, хорошо известно, что древляне после упорной самозащиты, наконец, прочно вошли в состав Русской державы. Нужно было лишь восстановить ход этой борьбы. Тут, конечно, могли быть и вполне понятные неточности.

Глубокий знаток истории Киевской Руси М. С. Грушевский, проявляя крайнюю осторожность в пользовании «Повестью», однако приходит к выводу, что объединение земель по великому водному пути «из варяг в греки» началось очень давно, что факты, связанные с этим процессом, «не подлежат ни малейшему сомнению». Действительно, даже в «Повесть» попал намек на то, что отношения между полянами и древлянами очень стары. Задолго до похода Олега на древлян (а когда именно — летопись не может сказать) «поляне были обидимы древлянами». В Новгородскую I летопись попало известие, что с древлянами воевали еще Аскольд и Дир.

Для нас даже не столь важно, кто именно из князей покорял соседние славянские племена и включал их в состав Киевского государства. Важен курс, взятый правительством этого государства. Власть Киевского государства, кем бы она в данный момент персонально ни была представлена, вела политику не личного характера и не занималась случайными предприятиями.

При условии роста средневековых европейских государств отдельные, самостоятельно существовавшие союзы, подобные древлянам, дреговичам, радимичам и др., были немыслимы. Они естественно становились жертвой более сильных политических организаций. В частности, судьбу древлянкой земли должны были решить ее соседи — Польша, Чехия, Венгрия и Киев. Решил

¹ А. А. Шахматов. Розыскания, стр. 26—28.

ее Киев и, нужно сказать, наиболее удачно для самих древлян. При этом решении древляне попали в среду, наиболее им близкую и родную: будучи сами одной из ветвей восточного славянства, они слились с восточнославянским Русским государством, имевшим достаточно сил, чтобы предоставить им возможность дальнейшего развития.

Константин Багрянородный (901—959) уже знает древлян в составе Киевского государства. Древляне участвуют в походе Олега на Византию. Под 913—914 годами «Повесть» сообщает, что по смерти Олега древляне восстали против Киева и Игорю пришлось идти против них. Он их победил и в виде репрессии «в о з л о ж и на ня дань больше Ольговы». При жизни Игоря древляне восстали против его власти еще раз. Они же убили и самого Игоря. Княгиня Ольга долго воевала с древлянами и, наконец, одолев их, «в о з л о ж и на ня дань тяжку». На этот раз военными мерами Киевское правительство не ограничилось: Ольга с сыном Святославом объездила Древлянскую землю, «у с т а в л я ю щ и у с т а в ы и у р о к и», т. е. произвела ряд серьезных изменений во внутреннем строе древлянского общества с очевидной целью укрепления здесь власти Киева. Святослав в 970 году сажает здесь в качестве представителя власти своего сына Олега, но через 7 лет киевский князь Ярополк вынужден был снова идти на древлян. Только в первой половине XI века древляне окончательно были ассимилированы под единой властью киевского князя. Последовательность событий и их логика безупречны.

Не менее четко перед растущим государством была поставлена проблема хазарско-русских отношений.

Хазарское, в основном тюркское, но по существу многонародное, государство заняло между прочим и территорию, издавна заселенную восточным славянством. С конца VII и в начале VIII века хазары владеют Керченским проливом, частью Крыма, Южным Подоньем и распространяют свою власть на земли вятичей, радимичей и даже полян.

Столкновение между растущим Киевским государством и хазарским каганатом было совершенно неизбежно. Можно думать, что войны между восточным славянством и хазарами начались с момента появления орд, объединенных именем хазар, на юге нашей страны. Первые столкновения, как нам известно, были для славян несчастливими, и лишь после того, как окрепла Русь под главенством Киева, отношения между этими двумя государствами радикально изменились: Русь систематически освобождает одну за другой свои земли из-под власти хазар и, наконец, при Святославе наносит последний и окончательный удар Хазарскому государству. Об этом имеются не только русские, но и арабские, совершенно точные, сообщения.

Согласно данным «Повести», Олег хазарскую проблему по-

нимал весьма четко и определенно. Идя против хазар на освобождение северян, он предупреждает последних, что воюет не с ними, а из-за них. «Аз им противен, а вам нечему», т. е. мои враги хазары, а не вы. И после победы над хазарами поведение Олега по отношению к северянам еще раз подтверждает основную линию Олега. Северяне до тех пор платили дань хазарам. Олег освобождает северян от этого платежа и «возложи на них дань легку». Северяне должны были почувствовать перемену власти в сторону облегчения своего положения.

С радимичами Олег поступил не совсем так. Он тоже вернулся их от хазар в состав славянского государства, но почему-то оставил размер дани тот же, какой установили хазары, («и вдаша Ольгови по шальягу, якоже и козарам даяху»).

Следующий военный удар направил Олег на уличей и тиверцев, тех самых, о которых «Повесть» сообщает, что они сидели на берегу Черного моря от устьев Днепра до Дуная и что их было множество. Эти племена в военном отношении были сильны. У них было много крепостей, существовавших еще и во время составления «Повести» («и суть гради их и до сего дне»). Это не фантазия. У нас имеется мало исследованный документ «А се имена всем градом русским, дальним и ближним», где на первом месте стоит перечень русских городов в Подунайской и Приморской областях. «На Дунаи: Видичев (Видинцов) град о седмих стенах каменных; Мдин. И об ону страну Дуная: Тернов, ту лежит святая Пятница. А по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килиа. А на усть Дунае: Новое село, Аколякра. На море: Карна, Каварна. А на сей стороне Дунаа, на усть Днестра над морем: Белгород, Черн, Ясьский торг, на Пруте реце Романов торг, на Молдове Немеч, в горах Корочюнов камень, Содва, Серет, Бая, Чечюн (Нечюн), Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотинь».

Большинство названий этих городов чисто славянское, часть из них потеряла некоторые изменения. Сведения об отношении славян к этой территории ведут нас не только ко временам Олега, а и гораздо дальше в глубь времен. Эту, по выражению Надеждина, загадку сфинкса отчасти разрешили работы Рэслера, В. Г. Васильевского, Флевича и др., показавшие, что русские люди жили в этих местах еще до образования Киевского государства. Присоединение этих восточнославянских земель к Киевскому государству потребовало больших усилий. В Новгородской I летописи есть известие, что Аскольд и Дир, сидя в Киеве, уже воевали с уличами. Олег продолжал войну с ними и с тиверцами, но, повидимому, решительных результатов не добился. «И бе обладая Олег поляны и древяны, и северяны, и радимичи,— подводит итоги политической деятельности Олега автор «Повести»,— а с уличи и тиверца имяше рать». В поход против Византии вместе с Олегом ходили и ти-

верцы, но не по обязанности, а как союзники киевского князя. Значительных результатов в этом отношении добился князь Игорь. Борьба была очень упорная. Уличский город Пересечень осаждало войско Игоря три года и, наконец, взяло его.

Воевода Игорев Свенельд, участвовавший в этом походе, получил вновь присоединенную землю в качестве ее правителя, с правом пользоваться данью. Очевидно, в еще далеко не замирившейся земле обстановка требовала сильной военной власти. На эту обстановку указывает замечание той же Новгородской летописи, что после взятия Пересечня уличи (конечно, не все, а часть), очевидно, не желая оставаться под властью киевского князя, ушли с берегов Днепра и продвинулись на запад к Бугу и Днестру. В походе Игоря на Царьград (944) уличей мы не встречаем, а тиверцы ходили, но уже не как союзники, а как часть Киевского государства, обязанная участвовать в военных предприятиях Киевской власти.

Так систематически осуществлялась первейшая задача Киевского государства — объединение восточно-славянских земель. Цель, которую не могли осуществить славяне в VI—VII вв. и осуществления которой так боялась Византия, была вполне теперь по силам государству Киевскому.

Русь жила не изолированно от других государств Европы, и совершенно понятно, что Киевское государство должно было, отстаивая свои интересы, вступать с европейскими государствами в различные отношения. С другой стороны, мы очень хорошо знаем, что Европа сама была заинтересована в установлении торговых и политических связей с Русью.

Византия, начиная с VI века, очень внимательно следила за тем, что делается в Восточной Европе. В X веке она еще с большим вниманием, смотря по политическим обстоятельствам, то с тревогой, то с надеждой обращает свои взоры на север. Арабский мир неустанно следит за каждым шагом растущего Русского государства. Западная Европа очень хорошо знает Русь, Русь — Западную Европу. Связи со всеми этими странами были самые разнообразные: торговые, политические, культурные.

Сведения о византийско-русских отношениях у нас очень неполны, но то, что мы об этом знаем, говорит о давнишних и разнообразных связях между двумя народами. Особенно Византия должна была дорожить своими добрыми отношениями с Русью после разгрома Святославом Хазарского царства, так как теперь Русь, вместо переставшей существовать Хазарии, стояла на страже, защищая Запад и Византию от турецких орд, непрерывно двигавшихся с востока на запад. Связи между Русью и Византией рано стали оформляться специальными договорами, из которых дошла до нас только часть. Также и военные столкновения этих двух народов далеко не все зарегистрированы в источниках. Во втором из дошедших до нас договоров Руси с

греками от 2 сентября 911 года, текст которого не возбуждает никаких сомнений в подлинности, сказано ясно, что данный договор имеет целью упрочить «от многих лет между христианы [греки.— Б. Г.] и Русью бывшую любовь». Словом «любовь» переведено, несомненно, стоявшее тут в греческом подлиннике слово «агапэ», что соответствует латинскому «пакс», т. е. мирное соглашение, договор. Наши ученые специалисты (М. П. Погодин, С. Ф. Платонов, М. Д. Приселков) признают наличие еще более раннего договора 866—867 года о союзе и дружбе, закрепленного со стороны Руси принятием христианства и епископа из Византии. Патриарх Константинопольский Фотий в 866 году говорит также, что Русь «переменила нечестивое языческое суевие на чистую и непорочную христианскую веру и ведет себя в отношении нас [греков.— Б. Г.] почтительно и дружески, тогда как незадолго перед тем [намек на поход Руси на Византию 860 года.— Б. Г.] беспокоила нас своими разбоями и учинила великое злодеяние».

Константин Багрянородный, враждебно настроенный к Руси, в первой половине X века, писал: «когда царь Ромейской [Византийский император.— Б. Г.] живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу; не могут требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую царь при помощи этого народа [печенегов.— Б. Г.] может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на землю руссов и турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли».

Тут имеется в виду целая система русско-византийско-печенежских отношений. Мы очень хорошо знаем, что это не только слова попавшего в трудное положение византийского политика. Мы хорошо знаем, что не раз Византийское правительство пыталось «противопоставлять» Руси печенегов и печенегов — Руси. Но мы также хорошо знаем и то, что правительство Византии плохо делало свои расчеты и что в конечном счете печенеги оказались менее надежной опорой Византии, чем Русь. Русь многократно спасала Византию, тогда как печенеги грозили ей полным уничтожением. Византийский император Алексей Комнен (1048—1118) в конце концов вынужден был, обращаясь «во все стороны», в отчаянии молить о помощи: «Умоляем вас,— писал он,— воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки, мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам... спешите со всем вашим народом, на пря-

гайте все усилия, чтобы [сокроища Константинополя.— Б. Г.] не достались в руки турок и печенегов...»

На помощь ему собирался первый крестовый рыцарский поход, но только собирался, а спасли Империю не рыцари, а половцы и Русь — тот самый Василько Ростиславович, крупнейший военный вождь и глубокий политик, которого в 1097 году так вероломно ослепили после Любечского съезда его политические бездарные враги — Давид и Святополк.

Итак, русско-византийские отношения в разнообразных проявлениях тянутся с VI века и переживают самое падение Византийской империи (1453).

Будет несомненной ошибкой думать, что Русь в своих походах на Византию преследовала только грабительские цели. Это было бы большим упрощением сложных и давнишних отношений между двумя народами.

Сам патриарх греческий Фотий, переживший нападение Руси 860 года и не скупившийся на жестокие слова по адресу Руси, что ему при его несомненном ораторском даровании удавалось легко, должен был признать, что Русь напала на Византию «справедливо». «Эти варвары справедливо расшвыряли за умерщвление их соплеменников и с полным основанием требовали и ожидали [для нарушителей права.— Б. Г.] кары, равной злодеянию». «Их [русских.— Б. Г.] привел к нам гнев их». Весь вопрос в том, что греки, очевидно, не ожидали такой смелости от «варваров» (хотя они могли бы вспомнить VI и VII вв.). Греки были убеждены, что «один слух о ромеях» может «усмирить» Русь, а оказалось, что она «подняла оружие против их державы». Мало того, Фотий вынужден был признать, что самый поход организован был прекрасно: «Поход этих варваров схитрен был так, что и слух не успел оповестить нас [греков.— Б. Г.] и мы слышали о них [руси — Б. Г.] уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькие страны и народо-начальства, судоходные реки и моря, имеющие удобные гавани». Действительно Русь произвела свое нападение именно тогда, когда император Михаил III находился с главными силами в походе против сарацин. Откуда эта осведомленность? Откуда смелость и сила? Что касается отваги, то греки должны были знать из своей собственной литературы, что русский народ до безумия смел. На вопрос о силах и умениях направить свой удар в наиболее выгодный для них момент отвечает сам Фотий: Русь осознала свои силы после покорения окрестных народов.

Мы можем полностью согласиться с патриархом Фотием, говорившим свои проповеди, обращенные к жителям византийской столицы, в 860 году, т. е. за два года до призвания Рюрика, за 22 года до взятия Олегом Киева (допускаю некоторую

неточность летописных дат). Уже в это время Фотий называл Русь «народом, многими упоминаемым и прославленным».

Дошедшие до нас договоры Руси с греками, как правило, заключаемые после походов Руси на Византию, говорят очень много о предметах, в которых были заинтересованы обе стороны. Здесь речь идет далеко не только об условиях торговли между государствами; тут мы видим и военное соглашение, предусматривающее могущие возникнуть в международных отношениях осложнения, когда стороны должны выступать или совместно, или отдельно; здесь предусмотрены случаи нарушения обеими сторонами уголовного и гражданского права, международные обязательства русских возвращать имущество греков, потерпевших крушение, обязательства взаимного выкупа и возвращения в отечество пленников и беглых рабов и др.

Каждый договор имеет, кроме того, индивидуальные особенности. Так, договоры 907 и 911 годов, заключенные после победы Руси над Византией, заключают в себе, как выражался Маркс, «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира»; договор 944 года уже не содержит особых преимуществ для Руси; договор 972 года князя Святослава есть договор о заключении перемирия между Русью и Византией после болгарской войны. Здесь не место подробно излагать содержание договоров. Мне хочется лишь для примера взять одну деталь из договора Игоря 944 года. Тут имеется статья, озаглавленная «О Корсуньстей стране», где говорится об обязательстве русского князя не нападать на греческую колонию в Крыму Корсунь (Херсонес). Даже если нападут на Корсунь черные болгары, живущие на кавказском берегу, то русский князь обязуется защищать Корсунь и не пускать черных болгар в Крым. Имеются в виду русские владения на Кавказе, именно Тмутаракань, откуда Русь действительно могла всегда воспрепятствовать переправе болгар в Крым. Русь и Византия обязуются помогать друг другу войском. Если русский князь попросит у Византии войско (подразумевается для защиты Корсуни), то император обязуется это войско дать «елико ему [Игорю.— Б. Г.] будет тебе»; с другой стороны, если Византия будет нуждаться в военной помощи Руси, русский князь должен послать ему войско («елико хоцдем»). «И оттоле уведят ины страны,— комментирует это соглашение договор,— каку любовь имеют греки и Русь».

Военное соглашение с Русью Византия явно старается сделать известным «иным странам», конечно, в целях самосохранения. Византия была вынуждена лавировать между многочисленными соседями — арабами, армянами, болгарами, венграми, печенегами, русскими, итальянцами и немцами. Тяжелая борьба с арабами, осложнившая отношения Византии и на Востоке и в Западной Европе, настоятельно требовала сохранения мира на

севере. Нападения русского князя Игоря на Византию в 941 и 944 годах были сделаны с расчетом на слабость Византии вследствие ее непрерывных войн с арабами. Мир и военное соглашение 944 года должны быть преданы гласности, как удачный дипломатический шаг правительства Романа Локапина (919—944), отвергнутый, однако, его преемником Константином Багрянородным (945—959), который предпочел сделать свою ставку против Руси, Венгрии и Болгарии на Орду печенежскую.

Этим маленьким примером я хотел показать, что Византия уже в X веке серьезно смотрела на растущее Киевское государство как на силу, с которой нельзя не считаться; с другой стороны, Русь сама напоминала о себе, не давала себя запутать в хитросплетениях византийских политиков, умела сохранить свое лицо и соблюсти свои политические интересы. В 911 году русский полк сражался рядом с византийским войском против арабов, в 920 году Русь помогает той же Византии в борьбе с Болгарией. Княгиня Ольга во время своего пребывания в Константинополе в 957 году, вероятно, способствовала изменению отношения Константина Багрянородного к Руси, обещала ему выслать свое войско, и нам известно, что в последние годы правления Константина Багрянородного в войне его против критских арабов принимала участие и Русь.

Русь первой половины X века — заметная организованная сила, очень весомая в тогдашних международных отношениях.

Состояние наших источников таково, что нам трудно всякий раз разгадать мотивы того или иного столкновения между Русью и Византией.

Гневный голос патриарха Фотия, нашедшего, однако, нотку справедливости, прозвучал только однажды. Византийские дипломаты и историки не столь откровенны и правдивы. Для них всякое нападение Руси — разбой. Русские летописцы интересуются больше исходом борьбы, чем ее мотивами, и в результате мы вынуждены лишь строить более или менее правдоподобные догадки.

Вполне естественно предположить, что Византия старалась ликвидировать позорные для нее условия мира 911 года. Нарушение этих условий, которыми, конечно, дорожила Русь, вызвало поход Игоря 941 года, окончившийся для него полной неудачей. Византия этой своей победой аннулировала старый договор. Если бы она заключила мир и новое соглашение после этого тяжелого для Руси события, договор, несомненно, был бы на этот раз «позорен» для Руси. Но мы ничего даже похожего на унижение Руси в договоре 944 года не видим, хотя он и не дает никаких особых преимуществ Руси.

Что же спасло Русь от неизбежного унижения?

Поход 944 года, состоявшийся лишь наполовину, вызвал, однако, большую тревогу в Константинополе и готовность итти

на уступки, готовность, объясняемую затруднительным международным положением Византии и крупными дворцовыми осложнениями.

Согласно данным «Повести», Игорь собрал большое войско в подвластных ему частях государства, нанял печенегов и для верности взял от них заложников. Корсуняне и болгары донесли Роману, что идет бесчисленное русское войско. Роман не чувствовал себя в силах воевать и отправил к Игорю послов, которые встретили русскую рать на Дунае. Тут начались переговоры, закончившиеся заключением мира на условиях, вполне достойных для Руси. Печенегам Игорь велел завоевать землю Болгарскую, что, несомненно, было в интересах самой Византии. Так родился договор 944 года.

В основной схеме рассказа «Повести» нет ничего такого, что заставило бы нас насторожиться. А если мы учтем обстановку, создавшуюся в это время в Константинополе, то летописный рассказ примет еще более достоверный характер. Борьба с арабами и болгарами сильно ослабила Империю. Императорский дворец представлял собою сплошной клубок интриг и заговоров. Договор 944 года, согласно «Повести», подписывали Роман с двумя своими сыновьями, Стефаном и Константином. Честолюбивый и способный армянин Роман, командир флота, хитростью и насилием добился того, что законный император Константин VI Багрянородный, женатый на дочери Романа, интересовавшийся больше наукой, чем политикой, возвел своего тестя на престол, а сам занял пятое место в дворцовой иерархии. Роман заточил мать императора в монастырь, трех своих сыновей и внука венчал на царство, а четвертого посадил на патриарший престол.

Непрекращающиеся заговоры с целью восстановить права Константина Роман раскрывал и карал беспощадно. Не мог он только раскрыть заговора в своей собственной семье. Он был арестован своими собственными детьми Стефаном и Константином и сослан в монастырь, находившийся на одном из Принцевых островов, не без ведома Константина Багрянородного. Через месяц с небольшим Роман с горькой усмешкой встречал в заточении своих обоих сыновей, свергнутых, в свою очередь, приверженцами Константина Багрянородного.

Последний заговор детей против отца и встреча их на Принцевых островах падают на конец 944 и январь 945 года.

Поход Игоря и заключение договора были в 944 году (если не в первую половину января 945 года), т. е. тогда, когда назревали крупные события в правящих кругах Византии, объясняющие нам, почему правители Византии предпочли мирное соглашение с Игорем войне, которая на этот раз, по донесениям болгар и корсунян, должна была быть очень упорной.

Если в первой половине X века Византия вынуждена была

считаться с наличием Киевского государства, то во второй его половине Византия без Руси обойтись уже не могла. В княжение Святослава и Владимира Святого Византия обращалась по собственной инициативе к Киеву дважды, и оба раза участие Руси в разрешении международных вопросов было весьма ощутимо.

В это время очень обострились болгарско-византийские отношения. Дело в том, что в конце IX и начале X вв. Болгария становится очень опасной для Империи. Эти годы — время блеска и силы для Болгарии. Болгарский царь Симеон (885—927) завершил объединение Балканского полуострова. Болгарские войска наносили грекам жестокие поражения. Болгарами был взят Адрианополь, они проникли к Дарданеллам и подошли к стенам Константинополя. Загородные императорские дворцы запылали. Симеон стал именовать себя царем болгар и греков.

Византия пыталась было использовать против Болгарии венгров, но последние были разбиты болгарами.

После смерти Симеона его государство распалось на две части. Для того чтобы добить ослабевшую таким образом Болгарию, византийский император Никифор Фока решил обратиться к часто практиковавшемуся Империей средству — натравливанию на своего врага других народов. С этой целью он послал к князю Святославу ловкого и хитрого дипломата Калокира, который, по некоторым сведениям, стал вести двойственную игру: с одной стороны, он выполнял поручение своего правительства, а с другой — тайно выступал с самостоятельным планом захвата власти в Империи и предоставления Святославу свободы действий в Болгарии.

«Горячий, смелый, стремительный и деятельный», как Святослава характеризует византийский историк этих событий Лев Калойский (иначе Диакон), он не заставил себя ждать и, оценив выгоды овладения Болгарией, выступил в 967 году в поход.

Первые же военные действия Святослава расстроили планы византийского правительства: вместо длительной войны, долгожданной, по расчетам Византии, ослабить обе воюющие стороны к явной выгоде Империи, Святослав коротким ударом завладел Восточной Болгарией.

Опять Византия прибегла к излюбленному приему и направила на Киев печенегов, что и заставило Святослава оставить гарнизон в завоеванной Болгарии и направиться с войском на защиту Киева. Эту задачу он выполнил блестяще. Печенеги были отогнаны и потом уже долго не решались приближаться к русской столице.

Но в это же время Византия сочла для себя выгодным встать на защиту Болгарии, и, когда весной 969 года Святослав с войском снова появился в Болгарии, он встретил тут совсем

иную обстановку. Новый натиск русских военных сил дал в руки Святослава Силистрию и столицу Болгарского царства Преславу; царь Борис, преемник умершего Петра, со всем семейством был взят в плен. Часть болгар, враждебных Византии, венгры и печенеги стали на сторону Святослава. Венгры признали своим вождем Святослава и сражались под его начальством в битве при Аркадиуполе. Войска Святослава перешли Балканы, взяли Филиппополь и приблизились к греческой столице. «За малом бо бе (Святослав) не дошел Царяграда», — говорит «Повесть временных лет».

В Империи произошел новый дворцовый переворот. Блестящий полководец, прославленный своими победами над арабами, Иоанн Цимисхий, по соглашению с императрицей, своей любовницей, Феофаной, убил Никифора Фоку и захватил власть. Отвлеченный войной на Востоке и враждебным выступлением императора Оттона в Апулии, Цимисхий не мог ничего противопоставить Святославу и решил вступить с ним в переговоры с предложением Святославу покинуть Болгарию. Святослав ответил решительным отказом.

Цимисхий направил к западной границе часть своего войска во главе с патрицием Петром и магистром Вардой Склиром, однако не для военных действий (Цимисхий не решался пока на это), а для наблюдения за действиями Святослава. Восстание Варды Фоки в Кесарии Каппадокийской снова задержало Цимисхия. Варда Склир был отозван с западной границы для подавления восстания, а Святослав продолжал двигаться вперед. И только весной 972 года Цимисхий, собрав большое войско, двинулся на Балканы.

В этих боях русские, по словам Льва Калойского, проявили удивительную стойкость. Среди убитых русских греки находили и женщин. Сам Святослав, всегда подававший примеры бесстрашия и решимости, был ранен.

Лев Диакон, совсем не склонный преувеличивать доблесть своего врага, восторженно отзывается о Святославе и его войске. «Россы, приобревшие славу победителей у соседних народов, — пишет он, — почитая ужасным бедствием лишиться оной и быть побежденными, сражались отчаянно». Оказавшись в безвыходном положении при Доростоле, окруженный со всех сторон неприятелем, без продовольствия, Святослав все же не падал духом и на предложение отступить, согласно сообщению Льва, отвечал: «погибнет слава, спутница оружия россос, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростью предков наших и с сознанием, что русская сила была до сего времени непобедимой, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество; но или жить победителями, или, совершив

знаменитые подвиги, умереть со славою». «Говорят,— продолжает тот же автор,— что побежденные тавроскифы [так Лев называет русских.— Б. Г.] никогда живыми не сдаются неприятелям... что сей народ отважен до безумия, храбр, силен...»

«Повесть временных лет», очень кратко повествуя об этих событиях, из каких-то источников тоже знает об этом великом моменте военной драмы под Доростолом. И ей известна знаменитая речь Святослава: «уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу. Да не посраим земли Русские, но ляжем костьми; мертвый бо срама не имам: аще ли побегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко. Аз же пред вами пойду. Аще моя голова ляжет, то промыслите собою».

Не здесь, однако, легла голова Святослава, а на порогах днепровских, где по наущению греков его с небольшой дружиной подстерегли печенеги.

Превосходство сил неприятеля (из 60 000 у Святослава осталось голодного и израненного войска 22 000), голод, оторванность от родины заставили Святослава пойти на уступки. Но и другой великий полководец своего времени Иоанн Цимисхий хотел мира не менее Святослава. Лев Калойский называет эту победу Цимисхия «одержанной сверх всякого чаяния».

Святослав выговорил условия: 1) право увести все свое войско домой в полном вооружении, 2) получить на его довольствие провиант.

Достойные друг друга враги встретились на Дунае. На берег реки выехал Цимисхий с позлащенным оружием, на роскошно убранном коне; Святослав в простой белой одежде подъехал к нему на лодке. Он казался мрачным и суровым. Поговорив немного с императором о мире, сидя в ладье, он переправился на другую сторону реки.

Уходил он из Болгарии с твердым намерением набрать новые силы для продолжения войны («пойду на Русь,— пишет о нем летописец,— и приведу боле дружины»).

Договор о мире,— вернее, о перемирии 972 года,— был составлен тут же в Доростоле.

Так закончен был этот поход, для Руси неудачный, но тем не менее прославивший еще раз русское оружие. Он был вызван самой Византией, постаравшейся к решению крупного международного вопроса привлечь Русское государство. Во всем ходе этого сложного комплекса событий видно, что Киевское государство, идя на предложение византийского правительства, никогда не поступало своими собственными интересами, никогда не теряло своей инициативы и всегда заставляло серьезно считаться с собой. Это лишний раз подчеркивает государственную мощь державы Рюриковичей уже в X веке.

Снова пришлось византийскому двору обратиться в Киев уже при преемнике Цимисхия Василии II Болгаробойце (976—

1026). Тогда в Киеве сидел Владимир, сын Святослава. Опять Империя оказалась в трудном положении: восстала Болгария, снова поднялся против императора Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию. Осажденный с двух сторон, Василий не нашел другого выхода и пошел на переговоры с враждебной ему Русью.

Арабский писатель Яхья, внимательно следивший за всем, что делалось в Константинополе, очень уверенно сообщает, что накануне этих переговоров отношения между Русью и Византией были далеко не дружественные. Очевидно, Василий предложил Владимиру очень выгодные для его государства условия, заставившие Киевское правительство изменить свою политику. В числе этих предложений нам известно и предложение брачного союза между двумя царствующими домами. Греческая царевна Анна, сестра Василия, должна была выйти замуж за Владимира — этой чести тщетно домогались многие государства Западной Европы.

И тут мы видим, что Русь не теряет своего международного политического лица, не выпускает из своих рук инициативы.

Посланное на выручку Василия отборное русское войско двумя блестящими победами доставило торжество Василию, но лишь только Владимир заметил, что спасенный им союзник делает попытку уклониться от выполнения своих обязательств, он немедленно осаждает Корсунь, на который в своих договорах с греками Русь обязывалась не нападать, и, несмотря на неприступность крепости, овладевает ею. Император начинает говорить с русским князем другим языком: он выполняет все свои обязательства.

Владимир решил сделать еще один крупный шаг для сближения со всеми наиболее культурными государствами Европы. Он объявляет христианство государственной религией.

Византия через руководство русской христианской церковью стала учительницей Руси и передала русскому народу свое культурное наследство.

Русь сумела занять достойное место среди народов Европы.

С Западной Европой Киевскому государству приходилось сталкиваться не раз. Неустойчивая граница с Польшей создавала много поводов для постоянных столкновений, разрешавшихся то миром, то войной.

С самого возникновения Польского государства Руси приходилось испытывать беспокойство из-за неустойчивости границы. Столкновение интересов этих двух государств было неизбежно, и вся история их взаимоотношений представляет непрерывные попытки разрешить эти противоречия то мирным, то военным путем.

Ни польские, ни русские источники не могут указать нам, когда именно стали бороться оба государства за установление

разделявших их границ. Дело осложняется еще и тем, что в этой борьбе принимало участие в своих собственных интересах еще одно государство — Чехия. Ни чешская, ни польская, ни русская наука до сих пор не могут разобраться в спорном тексте русской летописи под 981 годом, где говорится: «Иде Володимер к ляхам и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью», а, между тем, это — первое записанное свидетельство о столкновении Руси с Польшей из-за установления границ.

Острота вопроса заключается в том, что из текста летописи вытекает, что Перемышль и Червень в 981 году были городами польскими, тогда как в это время не Польша владела всей этой частью Прикарпатья, а Чехия, владения которой заходили очень далеко на восток, до Кракова включительно. Археологические и этнографические данные, а также исторические сведения о дулебах вполне определенно говорят, что Прикарпатье, именно те места, где стоят города Волинь, Червень, Перемышль и др., есть старая земля восточно-славянского племени дулебов.

Если откинуть предположение об обмолвке летописца, то придется признать, что на стыке двух славянских ветвей — западной и восточной в незапамятные времена происходило взаимопроникновение, и лехитские племена, повидимому, довольно далеко заходили на восток. Но это было до образования народов русского и польского. В более позднее время, которое нас в данный момент и интересует больше всего, поляки и Русь уже в достаточной степени размежевали свои территории. Столкновения в пограничной полосе, однако, не прекращались. Полякам, по всей вероятности, удалось на территории, занятой Русью, построить несколько своих укрепленных пунктов — городов, названия коих ничего специфически польского не имеют (Перемышль, Червень). Перемышль звучит совершенно по-русски. Червень отдает такой глубокой стариной, когда еще ни поляков, ни русских не было.

Отсюда вытекает, что русско-польские отношения начались до Владимира и что летописец сообщает факт, так сказать, вырванный из цепи последовательных исторических событий.

С этого момента столкновения двух государств, принимая различные формы, продолжают беспрерывно.

Немецкий хронист Титмар, очень хорошо осведомленный в делах польских, враждебный Польше и сочувствующий Руси, сообщает, что после военных действий между Польшей и Русью наступил мир, скрепленный браком между сыном Владимира Святополком и дочерью польского короля Болеслава Храброго (922—1025). «Повесть временных лет» под 996 годом отмечает, что Владимир после всяких международных осложнений «бже живя с князи окольными миром, с Болеславом Лядским и

Стефаном Угорским и с Андрихом Чешским, бе мир межи ими и любви».

Но, очевидно, Болеслав не переставал мечтать о проникновении в русские земли. Он использовал для этих целей свое родство с семьей Владимира. Болеслав рассчитывал на помощь своей дочери. Святополк оказался орудием в руках своей жены, а последняя опиралась на свое польское окружение в Киеве, о подборе которого, очевидно, позаботился сам Болеслав. В числе близких молодой чете поляков оказался духовник жены Святополка епископ Рейнберн. Он и стал душой заговора против Владимира. Не думал ли Рейнберн оторвать Прикарпатскую Русь от Киева и посадить там Святополка в качестве ленника польского Болеслава? Заговор был раскрыт. Владимир арестовал сына, его жену, Рейнберна и, очевидно, всех тех, кто был замешан в заговоре.

Болеслав поспешил на выручку своих агентов. Он заключил мир с немцами и с наемными печенегами и немцами двинулся на Русь. Не дремал и Владимир. Вероятно, не без его содействия печенеги изменили Болеславу. Между поляками и печенегами произошел бой, Болеслав велел перерезать всех печенегов. Но планы Болеслава относительно Руси рухнули. Он ограничился разорением некоторых русских земель и, может быть, освобождением Святополка. К сожалению, краткость сообщения Титмара лишает нас возможности осветить этот момент в русско-польских отношениях более точно.

Из дальнейшего хода событий мы знаем, что Болеслав до конца своих дней не изменял своим планам. В ход пускались все средства: то Болеслав просит руки одной из дочерей Владимира — Предславы (ему в этом было отказано), то явно поддерживает своего зятя Святополка в его борьбе с Ярославом, за что и получает те самые города, которые отвоевал Владимир, то натравливает печенегов на Киев, наконец, идет на Киев сам, вместе со своим зятем Святополком, искавшим у него спасения после поражения, нанесенного ему Ярославом у Любеча.

Ярослав знал грозившую ему опасность. Он заключил союз с врагом Польши, германским императором Генрихом II, с намерением предупредить Болеслава, но Болеславу удалось расстроить этот союз и организовать поход против Ярослава. В походе принимали участие немцы, венгры и печенеги; последних привлек Святополк.

На этот раз Болеславу удалось 14 августа 1018 года войти в русскую столицу. Но польское войско было столь враждебно встречено русским населением, что Болеславу пришлось покинуть Русь. Однако он успел захватить сокровища Ярослава, двух его сестер (Предславу он взял себе в наложницы) и много пленных.

Недолго, однако, Польша владела Прикарпатьем. Как только Ярослав укрепился в Киеве, он снова вернул эти города себе обратно. В 1040—1041 годах Ярослав вмешался во внутренние дела Польши и спас Польшу от распада. Он выдал свою сестру замуж за короля Казимира, а сестра Казимира вышла замуж за сына Ярослава Изяслава. Ярослав помог Казимиру справиться с восставшими против него мазовшанами.

Несколько фактов из истории русско-польских отношений второй половины X и начала XI века не могут представить полностью всю их сложность, но они вполне достаточны, чтобы продемонстрировать их характер.

Едва ли у кого-либо может возникнуть сомнение в том, что Русь выступает здесь как сильное государство, энергично оберегающее свои права и интересы, государство, с которым считаются все европейские страны, принимавшие то или иное участие в делах польских.

Болеслав Храбрый — фигура в Европе этого времени достаточно заметная. Он много сделал для усиления Польши. Император германский Оттон III дорожит вассальной зависимостью Польши и боится ее потерять. Борьбаться с Болеславом было не легко ни немцам, ни чехам, ни Руси. Однако Русь из этой борьбы выходит победительницей. Дружными усилиями народа и власти поляки в 1018 году были изгнаны из Киева, а через несколько лет были совсем ликвидированы и те приобретения Польши, которые она сделала не столько путем войны, сколько через родственные связи со Святополком Окаянным, опутанным своей женой и польскими дипломатами.

В ходе этой борьбы Русь вступает в общение с Германией и Чехией, и нет в документах ни одного намека, который говорил бы о том, что германский император или чешский король недооценивали политическое значение Русского государства.

Из западно-европейских хроник мы узнаем, что сношения Руси с Германией начались давно. При княгине Ольге ездили русские послы к императору Оттону, от Оттона приезжал епископ в Киев. В 973 году, по сообщению немецкого хрониста, к Оттону приходили «послы руссов с большими дарами». С римским престолом в княжение Владимира Русь обменивалась послами неоднократно (от папы в Русь ездили послы в 979, 986, 988, 991 и 1000 годах; от Руси к папе — в 994, 1000 годах). Принятие христианства из Византии и сближение Руси с этой последней обострили отношения между Киевом и Западной Европой. Разлад с Византией в 40-х годах XI века снова сблизил Русь с Западом.

Генрих III выступал совместно с Ярославом по делам Польши. В 1040 и 1043 годах русские послы ездили в Германию. Последнее посольство имело целью устроить брак Генриха с дочерью Ярослава.

Сближение Руси с Германией в это время объясняется общими интересами этих двух стран в делах польских. Политические связи часто облекались в форму брачных союзов. Внучка Ярослава вышла замуж за германского императора Генриха IV, сын Ярослава Святослав Ярославич был женат на сестре трирского епископа Бурхарта, два другие младшие Ярославичи женаты были на дочерях саксонского маркграфа и графа Штаденского.

Изгнанный братьями из Киева, Изяслав Ярославич ищет и находит поддержку именно на Западе.

О торговых связях Руси с Германией идут сведения тоже от самого начала X века (903), причем тут говорится о русских купцах, приходивших в Германию также не со вчерашнего дня.

В свою очередь, Киев привлекал немецких купцов роскошью и обилием своих товаров. Общее представление в Германии о Руси, как о стране несметных богатств, подчеркивается в немецких хрониках.

Очень показательны отношения Руси с папским престолом. Рим и после того, как Русь приняла христианство от враждебной ему Византии, не терял Руси из поля зрения в надежде подчинить ее себе в церковном отношении. Нам известно много случаев, когда папа обращал весьма большое внимание на дела русские.

Особенное благоволение он проявил к семье Изяслава Ярославича, женатого на католичке, сестре польского короля Казимира — Гертруде.

Изгнанный из Киева братьями, Изяслав прежде всего обратился в Польшу, куда прибыл «с именем многим, глаголя: яко сим налезу вои». Польский король Болеслав, однако, не только не оказал ему помощи, так как сам готовился к войне с чехами, но и отобрал у своего родственника много из привезенных им богатств и, как выражается «Повесть», «показал ему путь от себя». Нельзя тут не видеть влияния братьев Изяслава (Святослава и Всеволода), изгнавших его из Киева, не желавших возвращения Изяслава в Киев. Болеслав даже счел удобным заключить со Святославом и Всеволодом союз, и его союзники оказали ему военную помощь.

Изяслав тогда обратился к германскому императору Генриху IV и прибыл для этого в Майнц, «привезя, — по словам немецкой хроники, — неисчислимыя богатства в виде золотых и серебряных сосудов и весьма драгоценных одежд и просил оказать помощь». Братья Изяслава, Святослав и Всеволод, поспешили в свою очередь послать германскому императору «золота, серебра и драгоценных одежд» столько, что, как выражается та же немецкая хроника, никто не помнит, чтобы когда-либо такое богатство одновременно привозилось в немецкое

государство. Ценности эти были для Германии весьма кстати, так как немецкая казна была в это время крайне истощена.

Одновременно и параллельно Изяслав действует и в другом направлении, обращаясь к врагу Генриха IV, папе Григорию VII, но не лично, а через своего сына. Сын Изяслава Ярополк-Петр, по поручению отца отправился к папе и здесь имел успех.

Ценою обещания признать главенство Рима над русской церковью, ценою обещания превратить Киевское государство в лен св. Петра Ярополк исколотал у папы буллу, по которой власть в Киеве должна была перейти к Изяславу и его сыну Ярополку. Через три дня после написания этой буллы папа обратился с посланием к польскому королю Болеславу с порицанием за ограбление Изяслава.

Папа имел серьезное намерение короновать Ярополка. В связи с этим сделано было несколько очень интересных изображений на миниатюрах Трирской псалтыри. На одной из них нарисован апостол Петр с ключами, справа от него две фигуры — мужская и женская — в богатом порфирном одеянии, с коронами на головах. Над мужской фигурой — русская надпись «Ярополк», а женская не названа по имени. У ног Петра лежит склоненная в мольбе другая женская фигура в княжеском одеянии, с надписью: «Мать Ярополка».

На другой миниатюре изображен Иисус, венчающий коронами молодую княжескую чету. Так как за мужской фигурой стоит св. Петр, а за женской — св. Ирина, то не трудно догадаться, что это за чета: Ярополк в крещении носил имя Петра, а жену его звали Ириной.

Правда, эти папские намерения осуществлены не были, но соглашение между папой, с одной стороны, и Ярополком и его отцом Изяславом — с другой, имело реальное следствие: Изяслав получил польскую военную помощь и вернулся в Киев, хотя и не надолго.

Этот эпизод дает представление о характере отношений Руси к Риму, Германии и Польше.

С более далекой Францией Русь сносилась, повидимому, не столь интенсивно. Тем не менее хорошо известен брак французского короля Генриха I с дочерью Ярослава Анной, пережившей своего мужа и вторично вышедшей замуж во Франции за графа де Крепи. Пережив и этого мужа, она вернулась к своему сыну, французскому королю Филиппу, и принимала активное участие в политической жизни Франции. Сохранились ее собственноручные подписи на французских документах 1063 года.

Несчастная для англо-саксов битва при Гастингсе 14 октября 1066 года, закончившаяся смертью короля Гарольда и переходом власти в руки нормандского герцога Вильгельма, имела отклики и в Киеве. Вдова Гарольда с дочерью Гидой оказалась

при Киевском княжеском дворе, где ее встретили, повидимому, очень дружелюбно. Гита Гарольдовна стала женой Владимира Мономаха. В Киеве, при дворе Ярослава, нашли себе приют сыновья и другого английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

При дворе Ярослава мы видим также норвежского короля Олафа, изгнанного из Норвегии. Сын его с русской помощью вернул себе престол, а на его дочери женился сам Ярослав. Тут же оказался и другой знаменитый викинг — Гаральд Смелый, после громких подвигов в Сицилии и Италии ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он долго и настойчиво добивался руки дочери Ярослава Елизаветы. В честь нее он слагал целые поэмы, из коих одна имеется в нашем распоряжении. Вот одна из 16 строф этой поэмы в переводе Батюшкова:

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко,
На суше, на море мы бились жестоко,
И море и суша покорствуют нам!
О други, как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает!

Последний стих заканчивает каждую из строф этой поэмы. В конечном счете «дева русская» смягчилась и стала женой Гаральда.

Фактов, подобных приведенным, много. Оживленные политические связи Руси с Европой несомненны. Западным иностранцам Киев казался соперником Константинополя; оживленность жизни города изумляла писателей-иностранцев XI века.

Не удивительно, что в этой интернациональной обстановке русские князья научились владеть многими европейскими языками. Всеволод Ярославич говорил на пяти языках. Его сын Владимир Мономах знал языки, и прежде всего английский, так как женат был на англичанке и, вероятно, пользовался английскими образцами литературы, когда писал свое «Поучение», где он, между прочим, советует учиться языкам, «в том бо честь есть от инех земель».

Очень важно иметь в виду, что параллельно с интенсивными отношениями с Западной Европой у Руси продолжались связи с Востоком, имеющие свою длительную историю. Эти связи очень стары. Старее западных.

Первый русский историк, составитель «Повести временных лет», включил в свой труд и некоторые детали, ясно говорящие о хорошем знакомстве восточного славянства с Востоком.

«Повесть» сообщает, что из знаменитого, занимающего столь важное место в географических представлениях Руси «Оковьского леса» берут начало три крупнейшие водные магистрали — Днепр, Западная Двина и Волга. О каждой из них летописцу есть что сказать. А о Волге он говорит, что она «потече... на восток и втечеть семьюдесять жерел в море Хвалысьское [Каспийское.— Б. Г.]. Тем же по Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалысы и на восток дойти в жребий Симов». Последний определяется тем же автором очень ясно. Это «Персида, Ватрь, доже (др. вариант «тоже») и до Индикия в долготу и в ширину, якоже рещи от востока и до полуденья — и Сирия, и Мидия по Ефрат реку, Вавилон, Кордуна, Асуряне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Инди», т. е. вся Передняя Азия, Средняя Азия и Индия.

Во время арабского владычества заметно оживляется волжский великий водный путь, по которому Европа посылала в Азию меха, невольников, мед и воск в обмен на шелк, ковры, серебро, пряности и другие восточные продукты.

Продуктами, однако, дело не ограничивалось: с Востока в Восточную Европу шли архитекторы, проповедники ислама, проникали многие знания, обычаи, язык. Волжские болгары и хазары были главными посредниками в сношениях Руси с Востоком.

Старые связи Киева с Волжско-Камской Болгарией и Хазарией, между прочим, отмечаются в арабском путеводителе Эль-Балхи (первая половина X века): «От Итиля до Болгара,— читаем там,— расстояние по степи около одного месяца пути, водою же вверх по реке — около двух месяцев, вниз по реке — 20 дней... от Болгара до Куябы [Киева.— Б. Г.] около 20 дней пути».

Походы на волжско-камских болгар Святослава и Владимира, договор Владимира с болгарами, известный нам в пересказе Татищева, многие летописные сообщения о связях Руси по Волге с Востоком, большое количество восточных, в частности арабских, слов, попавших в русский обиход, восточные обычаи, крепко привившиеся на Руси (например, сидение князей на «едином ковре» как символ дружбы, отмеченный «Повестью» под 110 годом), весьма показательное огромное распространение на территории Восточной Европы арабских монет VII—VIII веков, исключительно большой интерес арабских географов и историков к Восточной Европе и к славянам — все это говорит о том, что связи восточного славянства с Востоком были давние, многосторонние и интенсивные.

Важно отметить, что мусульманские купцы торговали с восточным славянством на деньги уже в VII веке, в то время как с малокультурными народами они вели меновую торговлю. На территории Мордвы, например, знакомой восточным купцам, ни

одного диргема не найдено. Этот факт сильно смущал тех исследователей, которые не признавали докиевского периода русской государственности.

Крупный востоковед Хвольсон вынужден был прибегнуть к совершенно невероятным догадкам, чтобы уложить русскую древнюю историю в прокрустово ложе своих представлений о ней. Арабские монеты VII—VIII веков, по его мнению, только в IX веке попали на русскую территорию, куда мусульманские купцы старались сбыть свои «старинные, не имеющие больше ходу монеты». Что это за монеты, якобы потерявшие значение денег и в то же время имеющие большой спрос в иноземной торговле? Что это за купцы, которые в течение двух веков сберегали огромное количество потерявших свое хождение монет в предвидении, что в IX веке их можно будет сбыть за границу?

Если же мы откажемся от заблуждения Хвольсона и посчитаемся с фактами наличия в VII—VIII веках на Руси городов, ремесел, торговли, определенного проявления политической жизни восточного славянства, тогда все эти недоразумения падут сами собой и хорошо известные факты займут свое подобающее им место.

Эти сведения о связях восточного славянства и Руси с Востоком могут быть дополнены очень важными фактами из области столкновения Руси с азиатскими кочевниками.

По мере ослабления Хазарской державы, задерживавшей проникновение кочевых орд с востока на запад, Русь все чаще и чаще стала видеть их в Приазовских и Причерноморских степях.

Первое летописное известие о печенегах падает на 915 год (в этом году отмечено: «Придоша печенези первое на Русскую землю и сотворивше мир с Игорем и придоша к Дунаю»). А затем в летописных известиях начинают мелькать берендеи, торки, печенеги, половцы и др. Все это кочевники тюркского языка.

Граница Руси под натиском кочевников отодвинулась к северу. Киевским князьям пришлось ее серьезно укреплять.

Спокойно и уверенно отражая удары степняков, Русь в то же время умела привлекать их на свою сторону, растворяя их в своей среде, либо вырабатывая формы отношений, соответствующие своему достоинству и приемлемые для народов тюркских.

Под 944 годом летопись отмечает, что в походе Игоря против Византии участвовали наемные печенеги. Печенеги действовали совместно со Святополком Окаянным против Ярослава. Теревольский князь Василько, собираясь в поход против Польши, опирался, между прочим, и на помощь берендеев, торков и печенегов.

В качестве вспомогательного наемного войска кочевые народы упоминаются нашими источниками очень часто. Эта помощь народов тюркских оказывалась Руси либо в порядке общих с Русью военных предприятий, либо в порядке найма, либо, наконец, в порядке поселения кочевников на территории Киевского государства на положении федератов.

Очень характерны в этом отношении топонимические данные: в Черниговщине, Харьковщине, Киевщине, на Волыни, в Подолии, в Галицкой земле часто встречаются многочисленные населенные пункты с именами, происходящими от слов: торки, печенеги, берендеи, половцы.

Особенно ярко обрисовывается в этом отношении территория по берегам пограничной р. Роси, впадающей в Днепр. Тут стоял город Торческ, бывший центром тюркских поселений в Поросье.

Федераты-тюрки так прочно осели на своей новой родине, так тесно сплелись их интересы с русским народом, что они весьма заметно начинают втягиваться в общую жизнь Киевского государства.

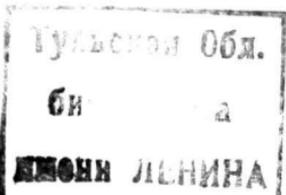
Под 1151 годом в Ипатьевской летописи записан интересный факт. Черные клобуки (общее наименование для тюрков, осевших на Русской земле), обращаясь к князьям Вячеславу, Изяславу и Ростиславу, говорили: «хочем же за отца вашего за Вячеслава и за тя и за брата твоего Ростислава и за всю братию и головы свои сложити, да любо честь вашу налезем, паки ли хочем с вами ту измреги, а Гюргя не хочем».

Участие в политической жизни Киевского государства черных клобуков подтверждается и другими летописными известиями. Сын Юрия Долгорукого Ростислав после неудачного опыта службы у киевского князя Изяслава обращается, например, к своему отцу в 1149 году со следующими словами: «слышал есмь [в бытность свою в Киеве.— Б. Г.], оже хошет тебе вся Русская земля и черные клобуки». Смерть киевского князя Изяслава оплакивается «всею Русскою землею и всеми черными клобуками»; по поводу прибытия в Киев внука Владимира Мономаха князя Ростислава «быша ради... вси, и вся Русская земля, и вси чернии клобуци обрадовашася». Черные клобуки участвуют в приглашении на Киевский стол князя Мстислава. Количество подобных примеров можно умножить.

Характер отношений Руси с Востоком определяется довольно точно. В этой связи очень интересно отметить, что когда Владимир Св. создавал свой пантеон богов, обязательных для всего государства, он включил в него трех богов славяно-русских (Перун, Дажьбог, Стрибог), двух богов народов Востока (Хорс, Симаргл), одного бога финского (Мокогн) и ни одного божества варяжского.

На этом можно и кончить.

Сюжет слишком велик, чтобы его охватить полностью, а для выяснения основного вопроса о борьбе Руси за создание своего государства сказанного вполне достаточно. Выбирая факты из огромного запаса, я старался предоставить этим фактам возможность говорить самим за себя. Их язык мне казался достаточно убедительным, чтобы прийти к окончательному выводу, что русский народ, выступив на исторической арене в VI веке, оказался достаточно сильным и организованным, чтобы сохранить свое лицо, свою независимость, облечь свое официальное существование в Европе в государственную форму и занять почетное место в истории Европы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
I. Два мира	5
II. Раннее средневековье и первые славянские государства . . .	15
III. На заре русской государственности	24
IV. Общественные отношения докиевского и раннекиевского периодов истории Руси	33
V. Создание и укрепление Киевского государства. Его место в Европе и Азии	47

*Печатается по постановле-
нию Редакционно-издатель-
ского совета АН СССР
за № 1968*

*

Редактор Ц. М. Подгорненская

Подписано к печ. 29/VII 1945 г.

A19074 Объем 5 печ. л.

5,5 учет.-изд. л. Тираж 15000

Цена 4 р. 50 к. Заказ 420

2-я типография Издательства
Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10